

ПОЛЕТРОВСКАЯ
РУСЬ

ВАЛЕРИЙ
ДЁМИН

Русь

ЛЕТОПИСНАЯ

Допетровская Русь

Валерий Демин

Русь летописная

«Алисторус»

2018

УДК 94(2)
ББК 63.3(2)

Демин В. Н.

Русь летописная / В. Н. Демин — «Алисторус»,
2018 — (Допетровская Русь)

ISBN 978-5-907024-26-7

В своей книге доктор философских наук В. Н. Дёмин прослеживает становление и развитие России и населявших ее народов с догосударственной эпохи и до реформ Петра I. В своих исследованиях автор не просто опирается на целый пласт источников: летописи, свидетельства иностранцев, археологические находки, но и пытается проникнуть в мировоззрение средневекового человека, уловить сам дух истории, благодаря чему многие из исследовательских выводов В. Н. Дёмина отличаются от общепринятых. Книга предназначена для широкого круга читателей, интересующихся историей России.

УДК 94(2)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-907024-26-7

© Демин В. Н., 2018
© Алисторус, 2018

Содержание

От автора	6
Часть I. Русь до Руси	7
Глава 1. Самый далекий Туле	7
Глава 2. Бездна тайн в краю Семизвездия	26
Глава 3. Исход ариев с севера	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Валерий Дёмин

Русь летописная

© В. Н. Дёмин, 2018

© ООО «Издательство Родина», 2018

* * *

От автора

Летописи – исторический фундамент русского национального самосознания. Их расцвет пришелся на совершенно конкретный отрезок российской истории, охвативший около семи веков: примерно со времени принятия христианства до начала Петровских преобразований. Почти все русские летописцы были христианскими монахами или другими церковными деятелями. Это не могло не наложить отпечатка ни на летописную идеологию, ни на понимание исторического процесса в прошлом, настоящем и будущем, ни на резко негативную оценку предшествующего языческого мировоззрения.

Дохристианская история Руси насчитывает не века, а тысячелетия. Однако достоверных письменных источников той далекой эпохи не сохранилось (судя по всему, они были полностью уничтожены в ходе утверждения новой религии и новой морали). Так называемая «Велесова книга», посвященная событиям ранней русской истории, официальной наукой не признается и считается подложной. Аналогичным образом оцениваются и устные исторические сказания русского народа, которые в литературно обработанном виде были записаны только в XVII веке, после окончания Смуты на Руси и воцарения новой династии, снявшей некоторые прежние политические запреты.

В этом спорном вопросе я ставлю достаточно скромную задачу: отделить зерна от плевел. Пусть читатель решает сам, где правда, а где кривда. Имеется еще один массив фактов, связанный с археологическими находками и открытиями. Несмотря на то что археологи имеют дело с материальными реалиями, они во многих случаях не умеют их правильно объяснить, подгоняя собственные, довольно-таки сомнительные, гипотезы под давным-давно отжившие или утратившие свою актуальность абстрактные схемы. В результате в порядке вещей считается, скажем, такое вопиющее противоречие. С одной стороны, не терпит никаких возражений утверждение, что якобы полнокровная жизнь на севере Евразии началась только после отступления ледника (в высоту до трех километров), что произошло сравнительно недавно, пятнадцать тысяч лет назад – не позже XII тысячелетия до новой эры. С другой стороны, многочисленные археологические находки на Севере свидетельствуют совершенно о другом: жизнь здесь кипела всегда, а ее нижняя хронологическая планка теряется где-то на 3-м миллионе (!) лет до новой эры (скажем, открытая археологом Юрием Алексеевичем Мочановым стоянка Дириг-Юрях на правом берегу Лены, вверх по течению, в 140 километрах от Якутска).

Наконец, имеются многочисленные и относящиеся к России свидетельства иностранцев, античных и средневековых писателей и хронистов. Спроецированные на реалии русской летописной истории, они дают неисчерпаемый материал для углубленного осмысления нашего прошлого. В обозначенных хронологических параметрах, скажем, античные историки – такие же летописцы стародавних событий, происходивших на территории России, как и отечественные историографы. По сей день не утратили своего значения слова самобытного историка Ивана Егоровича Забелина (1820–1909), сказанные почти полтора века тому назад: «...Никакая отрицающая и сомневающаяся <...> критика не может отнять у русской истории истинного сокровища, ее первого летописца, которым является сам Отец истории – Геродот».

В соответствии с вышеизложенным предлагаемая на суд читателей книга, в которой использованы наработки предшествующих изданий, разделена на две большие части: одна посвящена долетописной, другая – летописной эпохам.

Часть I. Русь до Руси

*Все это было, было, было,
Свершился дней круговорот...*

Александр Блок

Глава 1. Самый далекий Туле

*Где океан век за веком, стучась о граниты,
Тайны свои разглашает в задумчивом гуле,
Высится остров, давно моряками забытый, —
Ultima Thule.
<...>*

*Остров, где нет ничего и где все только было,
Краем желанным ты кажешься мне потому ли?
Властно к тебе я влеком неизведанной силой,
Ultima Thule.*

*Пусть на твоих плоскогорьях я буду единым!
Я посетю ряд могил, где герои уснули,
Я поклонюсь твоим древним угрюмым руинам,
Ultima Thule.*

Валерий Брюсов

Наидревнейшая история России начинается... в России, точнее – в тех северных ее частях, где в далеком-предалеком прошлом климат не был еще столь неблагоприятным, как сегодня, и народы, ныне разбросанные по просторам Евразии и остального мира, не были еще столь разъединены по языкам и культурам. Одно из названий прародины человечества – Ultima Thule («самый далекий Туле»; иногда переводят – «крайний Туле»), с таким эпитетом утвердилось имя древней северной земли в мировой истории, географии и поэзии. Устойчивое латинское словосочетание, превратившееся в крылатое выражение, введено в оборот Вергилием в «Георгиках» (I, 30). В греческом языке топоним-символ таинственного и недостижимого Севера пишется через «тету» и воспроизводится в разных языках по-разному – и как Туле (Тула), и как Фуле (Фула).

В русском языке приняты одновременно и та, и другая вокализации. Например, название знаменитой баллады Гете, написанной им в 25-летнем возрасте и впоследствии включенной в 1-ю часть «Фауста», переводится нынче исключительно как «Фульский король». В немецком же оригинале четко значится «т»: «Es war ein König in Thule...» (дословный перевод: «[Жил] был [один] король в Туле»). В «Фаусте» эту балладу напевает беззаботная Маргарита, еще не ведающая о своей несчастной судьбе. Между тем практически во всех переводах «Фауста» (а их на русском языке насчитывается до десяти), включая классические переводы В. Брюсова, Н. Холодковского и Б. Пастернака, Thule передается либо как Фуле, либо как «фульский», хотя в оригинале Гете прилагательное не употребляется. Лишь Афанасий Фет, который также пере-

вел обе части «Фауста», поставил в точном соответствии с оригиналом Туле (через «фиту»), но его перевод не переиздавался с конца XIX века.

Через «ф» – Фула – обозначается загадочная северная земля и в последнем переводе «Географии» Страбона; в остальных случаях чаще пишется Туле (Тула). Впрочем, сам отец европейской географии не смог сообщить о далекой полнощной стране больше, чем узнал из утраченных ныне сообщений античного мореплавателя Пифея. Тот первым, обогнув Британию, приблизился к кромке ледяной шуги, не позволившей ему достичь обещанного северного края. Начиная со II века н. э. в античном мире получил широкое распространение роман Антония Диогена о путешествиях Диния, который после долгих скитаний достиг Ледовитого (Скифского) океана и расположенного в нем острова Туле (до нашего времени роман дошел лишь в византийском пересказе):

«Диний отправился путешествовать по ту сторону Тулы. <...> Он видел то, что доказывают и ученые, занимающиеся наблюдением за светилами. Например, что есть люди, которые могут жить в самых далеких арктических пределах, где ночь иногда продолжается целый месяц; бывает она и короче, и длиннее месяца, и шесть месяцев, но не больше года. Не только ночь растягивается, но соразмерно и день согласуется с ночью. Самым невероятным было то, что, двинувшись к северу в сторону луны, видя в ней некую более чистую землю, они достигли ее, а достигши, узрели там такие чудеса, которые во многом превзошли все прежние фантастические истории».

Но были и другие источники, к сожалению, также не дошедшие до наших дней. Об их существовании, однако, свидетельствуют фрагменты более удачливых авторов: их сочинения не канули в Лету, напротив, послужили исходной базой для древних и средневековых карт, где остров Туле изображался либо невообразимо большим, либо неправдоподобно маленьким, как, например, на карте, составленной на основе сведений древнегреческого географа Эратосфена Киренского (ок. 276–194 до н. э.). В Средние века древние сведения продолжали подкрепляться теми же полярными реалиями:

Имя свое от солнца получила Крайняя Фула:
Ибо летнее там в дни солнцестояния солнце
Вспять обращает лучи, чтобы дальше они не светили;
Дни уводит оно, в непрерывную ночь погружает
Воздух темный над ней, одевает студеное море
Льдом, чтоб праздным оно, для судов недоступное было¹.

В знаменитой книге крупнейшего византийского историка VI века Прокопия Кесарийского «Война с готами» также содержится подробнейшее описание «острова» Туле (Фуле):

«Этот остров Фула очень большой. Полагают, что он в десять раз больше Британии (Ирландии). Он лежит от нее далеко на север. На этом острове земля по большей части пустынна, в обитаемой же части живут тринадцать племен, очень многочисленных, и у каждого племени свой царь. Здесь каждый год происходит чудесное явление. Около летнего солнцеповорота в течение приблизительно сорока дней солнце здесь никуда не заходит, но в течение этого времени непрерывно сияет над землей. Но (не меньше) месяцев через шесть после этого, около зимнего солнцеповорота, дней сорок солнце совсем не показывается над этим островом, и он погружен в непрерывную ночь. [Точнейшее описание полярных дня и ночи, к примеру, на широте северной оконечности Кольского полуострова или Новой Земли. – В.Д.]. Это время живущие здесь люди проводят в полном унынии, так как они не имеют никакой возможности

¹ Монмутский Г. Жизнь Мерлина / пер. С. А. Ошерова.

тогда сноситься друг с другом. Лично мне отправиться на этот остров, чтобы своими глазами увидеть то, что мне рассказывали, хоть я и очень старался, никак не удалось».

Далее Прокопий подробно описывает образ жизни одного из племен, живущих в Туле, – скритифинов (другие авторы, например Иордан, именуют их скререфеннами). В последней части древнего этнонима недвусмысленно прочитывается современное название народа – финны. Как и другие северные племена, древние тулейцы «не носят одежды, не ходят в обуви, не пьют вина, не добывают себе никакого пропитания посредством возделывания земли». Они не пахут земли, мужчины и женщины заняты только охотой.

«Находящиеся там леса огромны, изобилуют дикими и другими животными, а равно и горы, которые поднимаются там. Скритифины питаются всегда мясом пойманных животных, а в шкуры одеваются, так как у них нет ни льна, ни приспособления, чтобы сучить нитки, но, связав звериными жилами кожи друг с другом, они таким образом закрывают все тело. И их младенцы вынянчиваются у них не так, как у остальных людей. Дети скритифинов выкармливаются не женским молоком, и сосут они не материнскую грудь, но выкармливаются только мозгом пойманных животных. Как только женщина родит, она заворачивает новорожденного в шкуру животного, тотчас же привешивает ее к какому-нибудь дереву, кладет ему в рот мозг, а сама тотчас же отправляется с мужем на обычную охоту. Они все делают вместе и на это занятие охотой ходят вместе. Таков образ жизни этих варваров.

Но другие жители Фулы, можно сказать, все, не очень отличаются от остальных людей: они поклоняются многим богам и демонам (гениям), живущим на небе и в воздухе, на земле и в море, и некоторым другим мелким божествам, считающимся, что они находятся в водах источников и рек. Они непрерывно приносят всякие жертвы, приносят жертвы мертвым и героям. Из жертв они считают самой прекраснейшей принесение в жертву человека, который был их первым военнопленным».

Кровавый обычай человеческих жертвоприношений долгое время сохранялся по всему миру, особенно у народов, не затронутых цивилизацией. Так, вплоть до испано-португальских завоеваний и последующей англо-французской колонизации он практиковался среди индейцев обеих Америк. В далеком прошлом, в эпоху глобальных геофизических и климатических катаклизмов, прапредки индейцев мигрировали из Туле на юг, заняв и освоив постепенно, в течение многих веков и тысячелетий, обширные территории Северной, Центральной и Южной Америки. Память о древней прародине долгое время сохранялась в некоторых принесенных с севера названиях. Так, столица древнего центральноамериканского государства тольтеков именовалась, как и сама прародина, Тула. Да и сам этноним тольтеки происходит от того же корня. Тольтекская столица (на территории современной Мексики) просуществовала до XII века н. э. Предположение о лексической и смысловой сопряженности этнонима тольтеков и названия их главного города с легендарной приполярной территорией Туле в свое время было высказано одним из основоположников современного традиционализма Рене Геном (1886–1951) в его знаменитом эссе «Атлантида и Гиперборея».

Тольтекская Тула с ее реставрированными памятниками (включая знаменитую пирамиду Кецалькоатля) – один из известнейших архитектурно-археологических комплексов Нового Света. Однако в данном случае нас интересует этимология тольтекского названия города: 1) восходит ли оно к запредельно древним временам, когда прапредки индейских племен вычленились из общей этнолингвистической массы и начали свое миграционное шествие по американскому континенту, покинув общую прародину всех народов мира (предположительно не ранее 40 тысяч лет до н. э.); 2) принадлежит ли оно исчезнувшему народу, прибывшему с одного из погибших гипотетических материков или архипелагов Атлантиды или Арктиды; 3) является ли автохтонным – с учетом того, что сама культура тольтеков была кратковременной (в пределах трех столетий) и сравнительно поздней.

Но если даже остановиться на последнем возможном объяснении, нельзя отрицать, что сами тольтеки появились не на пустом месте и не вдруг – у них были предки и прапредки, в словарном запасе которых непременно были слова с корневой основой «тул[а]». Кроме того, на месте разрушенной столицы государства тольтеков ранее существовал легендарный город индейцев науа – Толлан (или Тольян), чье название созвучно лексеме «тул». И эту цепочку поколений, тянущуюся в глубь веков, можно проследить до начала распада единой этнолингвистической общности всех народов и языков мира².

А что общего между названиями русского города Тула и морского животного «тюлень»? Сразу видно – общий корень! Но почему? Макс Фасмер – автор самого подробного на сегодня, хотя и очень несовершенного 4-томного «Этимологического словаря русского языка», – поясняет: к нам слово «тюлень» попало из восточносаамского языка, где оно звучит как *tulla*. У саамов смысл данного слова явно навеян памятью о древнем арктическом материке или архипелаге – Туле. От того же наименования Туле (точнее, от лежащего в его основе корня) происходят и различные русские слова с корнем «тул», включая и русский город Тулу.

Конечно, вряд ли российская Тула имеет прямое отношение (по принадлежности) к древнему Туле. Однако налицо самоочевидное свидетельство: прапредки русского (так же, как и саамского) народа вполне могли знать о существовании легендарной страны, название которой означало нечто скрытое и заветное – он-то и дал наименование тому месту, где впоследствии возник современный город Тула (дословно – «потаенное место»). Именно такой смысл имеет, согласно словарю Владимира Даля, понятие «тула». Это «скрытое, недоступное место» – «затулье», «притулье» («тулить» – укрывать, скрывать, прятать и т. п.). Есть и другие русские слова с этим корнем: «туловище» – тело без учета головы, рук и ног (более чем фундаментальное понятие); «туло» – колчан в виде трубки, где хранятся стрелы (отсюда – «втулка»). Производными от той же корневой основы в русском языке являются слова: «тыл» – затылок и вообще задняя часть чего-либо, «тло» – основание, дно (в современном языке сохранилось устойчивое словосочетание «дотла»); «тлеть» – гнить или чуть заметно гореть и т. д. (Интересно, что в финском языке слово *tuli* означает «огонь», то есть, как и русское «тлеть», связано с горением.) Таким образом, имя города Тула имеет богатейшее смысловое содержание. Топонимы с корнем «тул» вообще чрезвычайно распространены: города Тулон и Тулуза во Франции, Тулча – в Румынии, Тульчин – на Украине, Тулымский камень (хребет) – на Северном Урале, река в Мурманской области – Тулома, озеро в Карелии – Тулос. И так далее – вплоть до самоназвания одного из дравидских народов в Индии – тулу.

О далекой северной островной земле Тулия или Тули наперебой сообщали и средневековые арабские авторы – географы, историки, космографы. Так, философ Аль Кинди (ум. в 961–962 г.) писал об огромном острове Тулия и большом городе на нем с тем же названием, расположенных «в северном конце обитаемой земли, под северным полюсом». Хотя упомянутая страна и окружена «великим морем», дальше нее плыть уже некуда – никакой другой земли в Северном (Ледяном) океане больше нет. Космограф Димешки, развивая данные сведения, подчеркивает, что земля Тулия населена славянами. Сказанное перекликается с известиями об Острове русов других арабских путешественников и купцов, побывавших на Руси в основном еще во времена язычества. Почти все они в один голос утверждали, что русские (и славяне) обитают на каком-то далеком острове. Данный факт, кстати, получил отражение в русских средневековых «Космографиях» и прилагаемых к ним картах, где территория России вплоть до XVIII века изображалась наполовину как архипелаг больших островов, вытянутых полукругом.

² Вопрос о моногенезе языков и культур мира неоднократно затрагивался мной в предыдущих публикациях, в частности в книгах «Тайны русского народа» и «Загадки Русского Севера». К ним и отсылаю всех, кого интересует данная проблема. – В.Д.

Судя по всему, о потомках сих земель подробно говорится в агиографическом литературном памятнике, посвященном одному из создателей славянской письменности Кириллу (в миру Константину). В «Житии Константина Философа, первого наставника и учителя славянского народа» (известном в 48 списках) описывается его путешествие (еще до создания славянской азбуки) по землям Хазарского каганата, захватившего в то время обширные русские земли и подчинившего многие славянские племена. Здесь Кирилл, помимо проповеди христианства и всего прочего, овладел древнееврейским языком. Это оказалось немаловажным и для общения с язычниками. Путешествуя по Руси, Кирилл-Константин столкнулся где-то на обратном пути из Хазарии в Византию с таинственным «тульским народом». Приведу этот исключительно интересный фрагмент жития полностью:

«Был же в народе фульском большой дуб, сросшийся с черешней, и под ним приносили жертвы, называя его Александр, – и женскому полу не позволяли ни подходить к нему, ни (приносить) жертвы. И когда услышал о том Философ, не пожалев трудов, направился к ним. И, став среди них, сказал: “Эллины пошли на вечные муки, поклоняясь [как Богу] небу и земле, столь большим и добрым творениям. Так и вы, кто столь убогому созданию, дереву, приготовленному для огня, поклоняетесь, как избежать можете вечного огня?” Отвечали они: “Не теперь мы стали так делать, но [обычай этот] от отцов приняли, и благодаря ему исполняются все просьбы наши, а больше всего идут частые дожди. И как мы то совершим, что не дерзнул никто из нас совершить? Ведь если кто и дерзнет сделать это, тогда же и смерть узрит, а дождя уж не увидит до [самой своей] кончины”.

Отвечал же им Философ: “Бог о вас говорит в Книгах, как же вы его отвергаете? Ведь Исаия от лица Господня вопиет, говоря: «Иду я собрать все племена и народы, и придут, и увидят славу мою, и положу на них знамение, и пошлю из спасенных от них к народам: в Тарсис и Фулу, и Луд, и Мосох, и Фовел, и в Элладу, и на острова дальние, где не слышали моего имени, и возвестят славу мою народам». И снова говорит Господь Вседержитель: «Вот пошлю я рыболовов и охотников многих на холмах и скалах каменных изловить вас. Познайте, братья, Бога, сотворившего вас. Вот – Евангелие Нового Завета Божьего, в котором были вы крещены». И так, сладкими словами уговорив, приказал им срубить дерево и сжечь его. Поклонился же их старейшина и подошел поцеловать Евангелие, а за ним и все (остальные). И, взяв белые свечи у Философа, с пением пошли к дереву, и, взяв топор, ударил Философ тридцать три раза и приказал всем срубить с корнем и сжечь его. В ту же ночь пошел дождь от Бога. И с радостью великою похвалили Бога, и Бог сильно возрадовался этому»³.

Что же это за такой «тульский народ»? Никто и никогда толком объяснить не мог – ни богословы, ни ученые-комментаторы. Высказывались робкие предположения, что, возможно, «тульцы» имеют какое-то отношение к таврическому городу Фулле (в районе современного Коктебеля), где непродолжительное время процветала греческая колония. Но такая версия ничего не прибавляет к знанию (точнее – к незнанию) о загадочном «тульском народе», ибо в житии о нем говорится как о народе языческом, а в Фулле находилась христианская община и одно время даже существовала собственная епархия. Кроме того, в «Житии Константина Философа» говорится не о жителях города, а о целом народе, на худой конец – о некрещеном племени дендропоклонников (между прочим, в болгарском тексте «Жития» именно так и сказано – «племя», а не «народ»).

Я бы рассудил иначе: не «фульское племя» названо так по имени греческого города Фуллы, а наоборот – византийская колония (просуществовавшая здесь сравнительно недолго) получила название по местности, издревле (во всяком случае, до появления здесь греков) занимаемой никому не известным «тульским народом». Вот только почему неизвестным? Очень даже известным! Туле (откуда и «тульский народ») – это автохтонное название Гипербореи –

³ Перевод Б. Н. Флори.

древнейшей северной территории в акватории Ледовитого океана и праматери мировой цивилизации, которая погибла в результате глобального катаклизма и резкого похолодания не позднее XII тысячелетия до н. э. Уцелевшие гиперборейцы-тульцы (в основном с окраинных континентальных территорий) постепенно мигрировали с севера на юг, где положили начало многим современным культурам и народам. Одним из осколков гиперборейцев-тульцев и был поклонявшийся священному дубу «тульский народ», с которым Константин Философ столкнулся на обратном пути «из хазар в греки»⁴.

Именно после этого общения с наследниками древней гиперборейской культуры Кирилл-Константин и занялся созданием славянской письменности и русской азбуки.

Но вернемся к проповеди будущего святого и равноапостольного Кирилла среди «тульского народа», который вполне можно именовать попросту туляками (название русского города Тула того же происхождения). Будущий создатель славянской письменности прямо напоминал тульцам-тулякам об их гиперборейском происхождении, ссылаясь на библейскую Книгу пророка Исаии (Ис. 66, 19), где среди «дальних островов» упоминается и легендарная Фула (Тула). Правда, в каноническом переводе Библии этот топоним читается как Пула. Это объясняется тем, что перевод Библии на современный русский язык сделан не с древнееврейского оригинала, а с греческого, где много неточностей (например, в том же ветхозаветном отрывке среди перечисления древнейших стран и народов выпало название народа мосох, родоначальник которого, внук Ноя – Мосох, считается праотцем московитов). Кирилл же пользовался древнееврейским оригиналом Ветхого Завета (вот где пригодилось знание иврита, выученного в Хазарии!), и поэтому библейские цитаты в «Житии» оказались более точными, чем в современном переводе. Между прочим, ссылаясь на книгу другого ветхозаветного пророка – Иеремии (Иер. 16, 16), – Кирилл напоминает «тульскому народу» о местах, где он жил когда-то, – «холмах и скалах каменных» (это – слова из древнееврейского оригинала; в современном русском переводе добавлены еще «ущелья»). Имеет ли «тульский народ» какое-либо отношение к народу русскому? Вполне! Во-первых, наверняка общие (гиперборейские) корни. Во-вторых (если уже говорить о времени создания славянской письменности), в «Житие» «тульский народ» попал совсем не случайно, а в контексте создания русской азбуки.

Погибший материк Тула-Гиперборея неожиданно появляется из океана забвения в одной из беломорских былин о Потыке, записанных в конце XIX века Алексеем Владимировичем Марковым в Верхней Зимней Золотице от 59-летнего неграмотного крестьянина Власа Ивановича Чекалева, который сам слышал ее от стариков-поморов, участвуя с ними в рыбной ловле. Усилиями современных интерпретаторов Потык считается второстепенным героем, былинные тексты о нем публикуются (и то далеко не всегда) где-нибудь на задворках фольклорных сборников. Что за имя такое Потык – толком никто объяснить не может, хотя от былинного сюжета так и веет глубокой архаикой: здесь и коварная жена-колдунья Марья Лебедь Белая с ее загадочной смертью и не менее загадочным воскрешением, и погребение заживо (читай – путешествие на тот свет) самого Потыка. Одним словом, захватывающе до невероятного! Но мне придется говорить совсем о другом.

Беломорская былина о Потыке, записанная А. В. Марковым, интересна во многих отношениях. Например, она включает в себя в качестве проходного эпизода основной сюжет былин-

⁴ Житийный рассказ о «тульском народе» представляет собой типичную механическую вставку в старославянский текст, слабо увязанную с предшествующим и последующим изложением. Чисто формально она оказалась сопряженной и с посещением Кириллом-Константином Херсонеса при возвращении в Царьград, хотя именно это и породило предположение, что «тульский народ» обитал на Таврическом полуострове. Если же отнести к загадочному фрагменту как ко вполне самостоятельному тексту, то из него совсем не следует, что «тульцы» проживали в Крыму. Владения Хазарии простирались вплоть до центральных областей современной России, и, следовательно, «тульский народ» мог проживать где угодно. Хазарский маршрут Константина Философа в его «Житии» очерчен общо, потому-то и столкнулся с «тульцами» будущий создатель славянской письменности мог где угодно. Кроме того, развесистый одинокий дуб – для Крыма дерево не характерное, черешня же, хотя теплолюбивое растение, произрастает вплоть до Прибалтики. – В.Д.

ного цикла о Добрыне Никитиче – бой со Змеем. Добрыня – один из трех названных членов дружинного братства. Два других – Илья Муромец и Потык. Есть еще двенадцать не названных по имени богатырей, которых взял в плен король Тульской земли. Именно так поименована она в фольклорном тексте. А сам ее властитель зовется Тульским королем – ну точь-в-точь как в знаменитой балладе Гете (вот ведь какие невероятные совпадения случаются!). Другими словами, в русской былине сохранилась память о древней прародине индоевропейских и других народов земли Туле-Гиперборее. Предлагавшееся же маститыми учеными толкование: дескать, под Тульской землей следует понимать Турцию (а под Тульским королем – турецкого султана) – ни в какие ворота не лезет. Хотя бы потому, что сюжеты русской былины многие тысячи лет, а турки-османы появились в Малой Азии и стали историческими соседями Руси только в XIV веке. Не подходят на роль туляков-гиперборейцев и летописные торки.

По справедливости говоря, Тульский король захватывает в плен русских богатырей не вероломно, а честным путем: он выигрывает их у князя Владимира в «пешки-шахматы». Стольнокиевский князь сначала проиграл хозяину Тульской земли золотую казну, а затем, войдя в азарт, – в придачу еще двенадцать богатырей-телохранителей. Вызволить заложников из не слишком почетного плена и берется отважный богатырь Потык. Выполняет задание он блестяще – без сучка и задоринки: отыгрывает не только русские деньги и незадачливых пленников, но еще и жену себе – тульскую царевну (королевичну?) по имени Авдотьюшка:

Да отправилс⁵ Потык в землю Тульскую,
 Ко тому королю-ту (так!) да земли Тульския.
 Приезжал ведь Потык да сын Ивановиць,
 Ише сам говорил ему таковы речи:
 «Уж ты вой (так!) еси, король да земли Тульский!
 Я приехал играть во пешки-ти как во шахматы».
 Они сажались играть с королем де земли как Тульския.
 Да недолго ведь Потык как отыгрывал:
 Он ведь ступь-ту ступил, на другой ведь мат дает.
 Отыграл-то у его золотой казны сорок тысячей,
 Отыграл у его двенадцать-то всех богатырей,
 Он ведь выиграл у его да любимую доць,
 Да любимую доць да одинокую
 Ише по имя Овдотьюшку, Лебедь Белую...

Дочь тульского короля стала второй женой Потыка. Она, как и первая, – носительница гиперборейской символики. Лебедь – древнейший символ гиперборейского Солнцебога Аполлона и всей Гиперборей-Тулы. Лебедь, первоначально означавший родовой тотем, запечатлелся и в образах других античных богов (Афродита, Зевс-Лебедь, соблазнивший Леду), а также в образах Лебединого рыцаря Лоэнгрина, классических валькирий с лебедиными крыльями на шлеме и сказочных Лебединых дев – популярных персонажей русского, германского, кельтского и другого индоевропейского фольклора, – вдохновивших Пушкина на поэтический образ Царевны-Лебеди.

По эзотерическому преданию, столицей легендарной страны Туле был Город Солнца – Гелиополь. Именно с тех пор священное название, превращенное в своего рода символ, начало свое победное шествие по всему миру. Сам топоним греческого происхождения, но он каль-

⁵ Так! Здесь и далее все отклонения от норм современного правописания, а также искажения по смыслу даны в точном соответствии с опубликованной фольклорной записью (см.: Беломорские былины, записанные А. Макаровым. М., 1909. С. 513–514). – В.Д.

кирует исконно автохтонные названия. Одна из религиозных столиц Древнего Египта известна под названием Гелиополя. Развалины таких же «гелиополей» – городов-святилищ Солнца – разбросаны по всему американскому континенту – от Мексики и Гватемалы до Боливии и Перу. Впоследствии имя Города Солнца как символ достойной и счастливой жизни перекочевал в тайные учения и утопические доктрины – наиболее известной из них явилась знаменитая книга Томмазо Кампанеллы.

Нет нужды говорить также, что в мифологеме русского фольклорно-эпического острова Буяна также нашла отражение родовая память о далекой северной прародине. Архетип Острова широко распространен в мифологиях различных народов мира. Так, в карело-финских рунах, объединенных и литературно обработанных Элиасом Леннротом в стройном тексте «Калевалы», Остров (по-фински – Сара) – это далекая, забытая и во многом неизвестная северная прародина, откуда ведут свое подлинное происхождение многие герои. Например, одно из прозвищ Лемминкяйнена – Сарилайнен (что переводится как Островитянин). Точно так же и Северная Страна Тьмы – Похьела, где разворачиваются многие события «Калевалы», имеет второе, более архаичное название – Сариола.

Северная островная прародина однозначно отождествлялась в народной памяти со Страной счастья и царившим там некогда Золотым веком. Применительно к Похьеле-Сариоле символом такого неизбывного благополучия выступает мельница Сампо, способная обеспечить постоянным пропитанием и достатком любое количество людей. Античный мир создал более обобщенный образ – процветающие Острова Блаженных, царство любви, согласия и благоденствия. Они расположены «за Бореем – Северным ветром», то есть в северной части Океана, который по античным представлениям являлся бескрайней рекой, опоясавшей Землю. Острова Блаженных – Твердыня Крона и Царство Света, где, согласно Пиндару, «под солнцем вечно дни – как ночи и ночи – как дни»:

Там горят золотые цветы⁶,
Возникая из трав меж сияющими деревьями
Или вспаиваемые потоками.
Там они обвивают руки венками и цепями цветочными
По первым уставам Радаманфа.

Радаманф (Радамант), сын Зевса и Европы, – один из судей, решающих, кого допустить или не допустить после смерти в Северный рай, так как, согласно позднейшим представлениям, Острова Блаженных сделались еще и прибежищем душ умерших. Впоследствии Блаженные острова стали даже ассоциироваться и с Подземным царством Аида, вселявшим живым ужас, где, несмотря на это, продолжали действовать законы справедливости: в подземный счастливый мир попадали души только достойных людей, которые устанавливали между собой естественную гармонию. То, что царство Аида находится не где-нибудь, а далеко на Севере, видно из Гомеровой «Одиссеи». Встреча главного героя поэмы с душами умерших происходит в царстве полярной ночи. Для общения с потусторонним миром Одиссею не пришлось спускаться ни в какие подземелья. Чтобы вызвать для разговора души умерших, нужно, оказываясь, выкопать яму – длиной и шириной в локоть (но не где попало, а на краю земли и побережья океана, надо полагать, Ледовитого), совершить возлияние медом, вином и водой, а спустя некоторое время принести в жертву бесплодную корову и черного барана. Вот души и слетятся из-под земли как мухи на сладкое. Детали эти вообще-то не очень существенны для рассматриваемой темы. Важно одно – все описываемое происходит на Севере.

⁶ Символика Золотого века. – В.Д.

Воспоминания о счастливом прошлом индоевропейцев и далекой северной прародине сохранились в священной книге древних иранцев Авесте и соответствующих ей главах величественной эпической поэмы Фирдоуси «Шахнаме». Здесь рассказывается о благословенном правителе Джемшиде (в Авесте это первопредок Йима), во время 700-летнего царствования которого на земле наступил Золотой век:

Земля отдохнула, раздоры забыв;
 Джемшиду и зверь покорился, и див.
 И славной людей одарил он судьбой;
 Державный престол озарил он собой.
 <...>
 ...Забыв о заботах, не помня кручин,
 Под говор струны, за ковшами вина,
 Вся знать пиновала, веселья полна.
 И люди тот праздник святой сберегли,
 Как память о древних владыках земли.
 Три века так жизнь беспечально текла,
 Не знали в ту пору ни смерти, ни зла...⁷

Другое название Страны загробного блаженства и счастья, перекочевавшее в средневековую, а затем и в современную культуру, – Элизиум, или Елисейские поля. На фундаменте этих архаичных представлений в конечном счете сформировалось и христианское понятие рая. Другими словами, подлинные истоки этого фундаментального представления находятся на Русском Севере. Но вначале был северный остров, поименованный в древнеиндийской мифологии Шветадваipa. «Рамаяна» – великий индийский эпос, переполненный полярными реминисценциями, так описывает блаженный край, где живут люди, не ведающие ни бед, ни забот: «Здесь находится великий Белый Остров (Шветадваipa) вблизи Млечного (Ледовитого) океана (Кширода), где обитают великие, могучие люди, прекрасные, как лунный свет. Они стройны и плечисты, наделены великой как физической, так и духовной силой, и голос их подобен грому». «Махабхарата» в книге «Нараяния» также подробнейшим образом описывает светозарную Страну счастья – Шветадваipu (Белый остров) «на севере Молочного моря», – где живут «Люди светлые, сияющие подобно месяцу».

В русском народном мировоззрении данная мифологема Страны всеобщего счастья и индивидуального блаженства известна как апокрифические Макарейские (Макарийские) острова (что, собственно, является греческим эквивалентом Блаженных островов: *makarios* означает «блаженный», «счастливый»):

На Макарийских островах,
 Куда не смотрят наши страны,
 Куда не входят смерть и страх
 И не доходят великаны, —

На Макарийских островах
 Живут без горя человеки,
 Там в изумрудных берегах
 Текут пурпуровые реки.

⁷ Перевод здесь и далее – Ц. Б. Бану-Лахути.

Там камни ценные цветут,
Там все в цветенье вечно юном,
Там птицы райские живут —
Волшебный Сири́н с Гамаюном...⁸

Другой мифопоэтический коррелят Золотого века в его привязке к Русскому Северу и блаженным утраченным землям содержится в знаменитой старообрядческой северорусской легенде о счастливой стране Беловодье, которую традиция изначально помещала в районе (акватории) Ледовитого океана. Уже в полуапокрифическом «Мазуринском летописце» указывается, что легендарные русские князья Словен и Рус, правившие задолго до Рюрика, «обладали северными землями по всему Поморью: <...> и до реки великой Оби, и до устья Беловодной воды, и эта вода бела, как молоко...». «Молочный оттенок» в древнерусских записях имело все, что относилось к Ледовитому океану, который и сам нередко именовался Молочным.

Известно старинное устное предание о том, что еще во времена Владимира Стольниковского, в аккурат перед самым принятием христианства, явился к князю молодой русский монах по имени Сергей, который принял постриг в Афонском монастыре. Он поведал будущему крестителю Руси об обители вечной красоты и истины – Беловодье, что расположено на краю света. Путь туда долог и опасен, но тех, кто достигнет заветной цели, ждут блаженство и счастье. Князь Владимир с полной серьезностью отнесся к рассказу: выделил отряд дружинников и велел монаху Сергию добраться до Беловодья, чтобы установить дипломатические контакты с тамошними правителями. К сожалению, дожидаться возвращения этой экспедиции назад в Киев Владимиру суждено не было. Князь умер, а отец Сергей вернулся домой лишь спустя 49 лет. Он нашел то, что искал, но привезенные сведения и даже точный маршрут сделались тайным преданием. Так и передавалась эта легенда из уст в уста, пока не стала достоянием того человека, который, оказавшись в эмиграции, и опубликовал ее в Америке в конце 40-х годов нынешнего века.

В наиболее древних версиях письменных старообрядческих беловодских преданий (а всего известно не менее 10 списков в трех редакциях) также говорится о Ледовитом океане:

«Такоже и россияне во время изменения церковного чина Никоном – патриархом Московским – и древнего благочестия бежали из Соловецкой обители и прочих мест Российского государства немалое число. Отправились по Ледовитому морю на кораблях всякого звания людей, а другие и сухопутным путем, и оттого наполнились те места».

Здесь уже речь идет о потомках тех обитателей счастливой страны, сведения о которой распространялись на протяжении многих веков. В другой рукописи приводятся более конкретные сведения о жителях (колонистах) Беловодья:

«[Поселенцы] живут в глубине окияна-морья, место, называемое Беловодие, и озеров много и семьдесят островов. Острова есть по 600 верст, и между их горы. <...> А проход их был от Зосима и Савватия соловецких кораблями через Ледское море».

Впоследствии представления о местонахождении Беловодья изменились. Русские странники, жаждавшие найти Страну счастья, искали ее и в Китае, и в Монголии, и в Тибете, и в «Опонском (Японском) государстве». Но мечты об идеале оставались прежними:

«В тамошних местах тяжбы и воровства и прочих противных закону не бывает. Светского суда не имеют; управляют народы и всех людей духовные власти. Там древа равны с высочайшими древами. <...> И всякие земные плоды бывают; родится виноград и сорочинское пшено. <...> У них злата и серебра несть числа, драгоценного камня и бисера драгого весьма много».

⁸ Константин Бальмонт.

* * *

Туле – автохтонное самоназвание древней северной страны. Но античные авторы придумали ей и другое имя – Гиперборея (буквально – «за Бореем»). Как выразился по данному поводу Н. М. Карамзин: «Цветущее воображение греков, любя приятные мечты, изобрело гипербореев, людей совершенно добродетельных, живущих далее на Север».

Вкратце гиперборейская история и ситуация вокруг нее таковы. Древние эллины, утратив контакты с народами Севера и начисто забыв о своей древней прародине, придумали для всех скопом искусственное наименование – «те, кто живут за северным ветром – Бореем» (по-гречески – «гиперборей»). Таким образом, Гиперборея – древнее название Севера. В этом смысле о гиперборейцах писали еще Гомер и Гесиод (о чем сообщается в «Истории» Геродота), но, к сожалению, именно эти их произведения до нас не дошли. Правда, гиперборейцы присутствуют в 7-м так называемом Гомеровском гимне, посвященном Дионису, однако принадлежность данного текста самому Гомеру более чем сомнительна – Гомеровыми гимны названы только из-за стихотворного размера и ритмики, сходных с «Илиадой» и «Одиссеей».

Связь между Элладой и Гипербореей сохранялась на протяжении веков и тысячелетий. Это наложило отпечаток на эпитеты некоторых античных героев: Геракл Гиперборейский, который, как писал Пиндар, «достиг земель, что за спиной у ледяного Борей»; Персей Гиперборейский, который сражался со смертоокой Горгоной Медузой во все те же владениях «ледяного Борей». Солнцебог Аполлон носил тот же эпитет, потому что родился в Гиперборее и возвращался туда на крылатой колеснице каждые 19 лет. Из Гиперборей в Элладу пришли и первые жрецы – служители Аполлона во главе с прорицателем Оленом.

Один из поздних античных историков и писателей Павсаний (II в. н. э.) в своем знаменитом труде «Описание Эллады» (X, 5, 4–10) приводит следующие удивительные подробности появления одного из главных святилищ Древней Греции – храма Аполлона в Дельфах. Сначала здесь появились гиперборейцы, в их числе был и будущий первый дельфийский жрец, у него, по «странному совпадению», было славяно-русское имя Олен[ь]. Кстати, имя родоначальника всех древнегреческих племен и единого народа – Эллины – также представляет собой грецизированную форму общеиндоевропейского слова «олень» и близкого ему по смыслу и происхождению слова «лань». Олен[ь] – гипербореец, и его спутники были направлены в Дельфы Аполлоном. Отсюда напрашивается бесхитростный вывод: сам (будущий) бог в то время был далеко – скорее всего, в Гиперборее, откуда выехало посольство. Став пророком и прорицателем, Олен[ь] воздвиг в Дельфах первый храм: сначала деревянный, похожий на лачугу, пишет Павсаний (его модель, сделанную из воска и перьев, Аполлон впоследствии пошлет в подарок в Гиперборею), и лишь спустя длительное время, после многих пожаров и разрушений построили тот каменный храм, жалкие остатки которого сохранились по сей день.

История, пересказанная Павсанием, сохранилась и в виде канонических дельфийских текстов:

Так многославное тут основали святилище Богу
Дети гипербореев, Пегас со святым Агийеем.
Также Олен[ь]: он первым пророком был вещего Феба,
Первый, песни который составил из древних напевов.

Как видно, тут прямо указано, что культовый и обрядовый канон Аполлона Дельфийского был составлен на основе гиперборейских преданий. В дальнейшем Олен[ь]-песнопевец передаст искусство стихосложения священных пророчеств в гекзаметрах пифиям – жрицам

Аполлона: сидя на треножнике, они предсказывали судьбу в окружении ползающих змей, вдохновленные одурманивающими испарениями или воскурениями.

Гиперборея столь же знаменита, как и ее географическая сестра – Атлантида. Обе – звенья одной цепи, участь обеих одинакова: они погибли в результате мощного природного катаклизма. Но какие бы катаклизмы ни сотрясали Землю, всегда остаются неуничтожимые следы. Во-первых, чудом сохранившиеся свидетельства античных источников – разрозненные, противоречивые, но несколько не утратившие своей ценности. Во-вторых, материальные памятники (точнее – то, что от них осталось по прошествии тысячелетий), сохранившиеся по периферии и на возвышенностях погрузившегося на дно материка – Арктиды-Гипербореи: наиболее перспективными в данном плане являются Кольский полуостров, край древнего Солнечного Божества – Коло, Карелия, Полярный Урал, Новая Земля, Шпицберген (русский Грумант) и другие северные территории.

Киевский читатель моих предыдущих книг, И. Н. Кисилев, геолог, напомнил в своем письме об уникальной находке гиперборейского артефакта на одном из 191 острова Земли Франца Иосифа во время съемок советско-итальянского фильма «Красная палатка», посвященного гибели экспедиции Умберто Нобиле, который пытался на дирижабле достичь Северного полюса. Фильм вышел на экраны в 1973 году и стал последней работой выдающегося кинорежиссера Михаила Константиновича Калатозова (1903–1973). Натурные съемки проводились в Арктике, и в состав съемочной группы входил отряд профессиональных альпинистов. Прибыв на остров Чамп, расположенный в центральной части архипелага, дабы совершить восхождение на его сравнительно небольшую вершину (620 м над уровнем моря), они, к своему удивлению, обнаружили в 40 метрах от берега три огромных каменных шара (диаметр наибольшего – около 3 метров). Находка была заснята и наводила на мысль о точно таких же таинственных каменных шарах, во множестве найденных в джунглях Центральной Америки. С точки зрения геологии естественное происхождение подобных феноменов идеально округлой формы абсолютно исключено. О загадочной находке сообщалось в прессе, но открытие не произвело эффекта разорвавшейся бомбы.

Идейное гиперборейское наследие дожило до наших дней в виде мифологемы Золотого века.

О жителях Гипербореи сообщали многие античные авторы. Один из самых авторитетных ученых Древнего мира – Плиний Старший (23/24–79 годы н. э.) – писал о гиперборейцах как о реальном древнем народе, жившем у Полярного круга и генетически связанном с эллинами через культ Аполлона Гиперборейского. В «Естественной истории» (IV, 26) дословно говорится:

«За этими [Рипейскими] горами, по ту сторону Аквилона, счастливый народ (если можно этому верить), который называется гиперборейцами, достигает весьма преклонных лет и прославлен чудесными легендами. Верят, что там находятся петли мира и крайние пределы обращения светил. Солнце светит там в течение полугода, и это только один день, когда солнце не скрывается (как о том думали бы несведущие) от весеннего равноденствия до осеннего, светила там восходят только однажды в год при летнем солнцестоянии, а заходят только при зимнем. Страна эта находится вся на солнце, с благодатным климатом и лишена всякого вредного ветра. Домами для этих жителей являются рощи, леса; культ Богов справляется отдельными людьми и всем обществом; там неизвестны раздоры и всякие болезни. Смерть приходит там только от пресыщения жизнью. <...> Нельзя сомневаться в существовании этого народа».

Даже из этого небольшого отрывка из «Естественной истории» нетрудно составить ясное представление о Гиперборее. Первое, и это самое главное, – она размещалась там, где Солнце может не заходить по несколько месяцев. Другими словами, речь может идти только о приполярных областях, тех, что в русском фольклоре именовались Подсолнечным царством. Другое важное обстоятельство: климат на Севере Евразии в те времена был совсем другим. Это под-

тверждают и новейшие комплексные исследования, проведенные недавно на севере Шотландии по международной программе: они показали, что еще 4 тысячи лет назад климат на данной широте был сравним со средиземноморским и здесь водилось большое количество теплолюбивых животных.

Впрочем, еще ранее российскими океанографами и палеонтологами было установлено, что в 30–15 тысячелетии до н. э. климат Арктики был достаточно мягким, а Северный Ледовитый океан был теплым, несмотря на присутствие ледников на континенте. Академик Алексей Федорович Трешников пришел к выводу, что мощные горные образования – хребты Ломоносова и Менделеева – сравнительно недавно (10–20 тысяч лет тому назад) возвышались над поверхностью Ледовитого океана, который сам тогда – в силу мягкого климата – не был полностью скован льдом. Примерно к таким же выводам и хронологическим рамкам пришли американские и канадские ученые. По их мнению, во время Висконсинского оледенения в центре Северного Ледовитого океана существовала зона умеренного климата, благоприятная для таких флоры и фауны, которые не могли существовать на приполярных и заполярных территориях Северной Америки. В русле тех же представлений Петр Владимирович Боярский – начальник Морской арктической комплексной экспедиции – успешно обосновывает гипотезу о Грумантском мосте, некогда соединявшем многие острова и архипелаги Ледовитого океана.

Убедительным подтверждением неоспоримого факта благоприятной климатической ситуации, существовавшей в прошлом, служат ежегодные миграции перелетных птиц на север – генетически запрограммированная память о теплой прародине. Косвенным свидетельством в пользу существования в северных широтах древней высокоразвитой цивилизации являются также находящиеся здесь повсюду мощные каменные сооружения и другие мегалитические памятники: знаменитый кромлех Стоунхенджа в Англии, аллея менгиров во французской Бретани. В России аналогичные менгиры зафиксированы на Таймыре, на Кавказе, на Алтае, в Восточной Сибири – и так до Камчатки. Несомненное гиперборейское происхождение имеют также каменные лабиринты Скандинавии, Кольского полуострова, Соловецких островов и Новой Земли.

Среди античных авторов о Гиперборее несомненного внимания заслуживает сообщение известного римского географа I века н. э. Помпония Мелы:

«Первый народ азиатского побережья – гиперборейцы. Они живут на Крайнем Севере, по ту сторону Рипейских гор, под самой Полярной звездой, солнце у них не восходит и не заходит каждый день, как у нас: оно восходит во время весеннего равноденствия и заходит во время равноденствия осеннего. Поэтому день продолжается у них шесть месяцев, и столько же месяцев тянется ночь. Это – поистине священная земля, солнца здесь много, и почва плодородна. Жители этой земли – справедливейшие люди, живут они дольше и счастливее, чем другие смертные. Постоянно наслаждаясь веселым досугом, они не знают ни войн, ни раздоров. Они ревностно исполняют священные обряды и особенно почитают Аполлона. Говорят, что первые плоды нового урожая они отправляли на Делос. Сначала они посылали с плодами своих девушек, а затем передавали плоды через посредство народов, живущих на пути к Делосу. Обычай этот сохранялся у них долго, до тех пор, пока он не был осквернен злоупотреблениями племен-посредников. Живут они в рощах и лесах. Когда кто-нибудь почувствует, что насытился жизнью (насладился, но не получил к ней отвращения), он украшает себя гирляндами и в самом веселом расположении духа бросается в море с определенной скалы. Такой вид смерти считается у них самым лучшим».

Сообщение Мелы достаточно приближено к нашему времени. Хотя оно во многом опирается на «Естественную историю» Плиния, в нем имеются некоторые существенные географические детали, касающиеся Гипербореи: она располагается уже не на островах посреди Ледовитого (Скифского) океана, а на материке в окружении скифов. Это нашло отображение и на карте, выполненной, впрочем, уже в наше время (остров Туле на ней неоправданно оторван от

Гипербореи: оторван не в географическом, а в культурологическом плане). Еще одно, столь же важное? как и вышеприведенные, свидетельство античного историка Диодора Сицилийского (ок. 90–21 гг. до н. э.), опиравшегося на утраченный труд историка Гекатея, жившего в VI веке до н. э.:

«Гекатей и некоторые другие, которые изучают старинные истории и традиции, приводят следующее описание: “Напротив галльского берега к северу есть остров в океане не меньше Сицилии, который населен гиперборейцами, названными так, потому что живут за спиной Северного ветра. На этом острове хороший климат, плодородная земля и много плодов, созревающих дважды в год. Говорят, что здесь родилась Латона, и поэтому местные жители почитают Аполлона больше, нежели других богов. Они в некотором роде его священнослужители, потому что целыми днями восхваляют его в песнях и оказывают ему всякие почести.

На острове есть великолепная роща (владения) Аполлона и прекрасный храм круглой формы, в котором скопилось много богатых священных даров. Здесь есть город, посвященный тому же богу, большинство жителей которого арфисты, они постоянно играют на своих арфах в храме и поют гимны богу, прославляющие его деяния. Гиперборейцы говорят на странном языке и привязаны к грекам, особенно афинянам и делосцам, с которыми дружат с незапамятных времен. Считается, что некоторые греки когда-то посещали гиперборейцев, которым оставили священные дары великой ценности, а еще, и тоже давно, Абарис приплыл из Гипербореи в Грецию и восстановил родственные связи с делосцами.

Говорят, что на этом острове луна спускается очень низко к земле, и различные возвышенности и впадины хорошо на ней видны; что Аполлон посещает остров раз в девятнадцать лет, так как за это время звезды делают полный круг, и потому греки отмечают цикл из девятнадцати лет названием «Великий год». Когда бог на острове, он каждую ночь играет на арфе и танцует, и это продолжается от весеннего равноденствия до появления Плеяд, которые радуются его успехам. Высшая власть в городе и на всем острове отдана в руки людей, которых называют Бореады, ибо они потомки Борея, и власть переходит от одних к другим по прямой линии”».

Гипербореец Абарис, о котором упоминает Диодор, – одна из самых загадочных личностей античной истории и культуры. Геродот сомневался в правдивости рассказов о посланнике Гипербореи, который странствовал по всей земле со стрелой в руке. Высказывались разные предположения по поводу смысла, заключенного в имени первого «гражданина мира», свободно перемещавшегося по всему свету. Сближали его даже с легендарными обрами (аварами), упомянутыми в русских летописях. Имеется не меньше оснований видеть в певучем гиперборейском имени сокращенный этноним «обдорит» (так называлось одно из древнеславянских племен, по-русски – «бодричи»). Однако, представляется, ключ к разгадке таинственного имени следует искать в Сибири.

Этимологи считают, что название великой сибирской реки Оби происходит от древнеиранского слова аб, переходящего в об (например, в таджикском языке) и означающего «вода». В коми-языке, относящемся к совершенно другой, финно-угорской, языковой семье, это слово означает «снежная вода». Удивляться всему этому не приходится, так как все языки происходят из общего лингвистического источника. По древнему имени Оби ее низовья еще до недавнего времени именовались Обдорами, а весь северный сибирский край – Обдорией, откуда и город-острог, построенный русскими в конце XVI века в устье Оби, был назван Обдорском (в 1933 году он был переименован в Салехард – ныне столица Ямало-Ненецкого автономного округа). Нетрудно заметить, что в имени Абарис явственно просматривается архаичный корень «аб» («об»). Другими словами, есть все основания предположить, что само имя связано с местом рождения или проживания его обладателя. Край этот – бассейн реки Оби (в данном случае даже не важно, о какой именно ее географической части идет речь).

Притчей во языцех для античных авторов стала и знаменитая стрела Абариса. Никто не смог толком объяснить ее предназначение. Впрочем, некоторые давали правильное истолкование, не понимая, однако (как бы ни странно это показалось), подлинного смысла собственных же слов. Например, крупный философ-неоплатоник Ямвлих (не позднее 280–330 гг. н. э.) сообщил в своей книге «Жизнь Пифагора» некоторые исключительно важные подробности об Абарисе, почерпнутые, вероятно, из не дошедших до нас письменных источников.

Главное, пожалуй: Пифагор – ученик Абариса, но и независимо от этого, оказывается, был и раньше связан с Гипербореей и даже имел прозвище «Гиперборейский». Между прочим, известный позднеантичный писатель Элиан, живший на рубеже II и III веков н. э., также свидетельствует, ссылаясь на авторитет Аристотеля, что Пифагор был гиперборейцем и носил соответствующее прозвище. Свою таинственную стрелу (или одну из стрел?) Абарис подарил Пифагору. Дабы она (внимание!) «могла ему быть полезной для преодоления встречающихся трудностей во время странствий». Понятно? Ну конечно же – речь идет о компасе, о котором эллины и римляне (как, впрочем, и другие древние народы, кроме китайцев) не имели ни малейшего представления. Выходит, однако, что во времена Пифагора компасом успешно пользовались гиперборейцы. Но Ямвлих сообщает еще об одной «стреле» Абариса, на которой якобы можно было летать. Последнее также согласуется с многочисленными свидетельствами античных источников о летательных способностях гиперборейцев.

* * *

Древнюю технику полета олицетворял Солнцебог Аполлон, родившийся, как уже говорилось, в Гиперборее, носивший соответствующие титул и эпитет, прибывший в свое время из Гипербореи в Элладу, где его соотечественники по гиперборейскому образцу построили Дельфийский храм, и впоследствии регулярно – раз в 19 лет – посещавший на летающей колеснице свою северную родину. Сохранилось несколько изображений Аполлона, летящего к гиперборейцам. При этом художники упорно воспроизводили совершенно нетипичную для античной изобразительной символики крылатую платформу, восходящую, надо полагать, к какому-то реальному первообразу.

Крылатыми или окрыленными были и другие божества и герои Древней Эллады, так или иначе связанные с Гипербореей. Нередко изображалась крылатой Аполлонова сестра-близняшка Артемиды: вместе с братом она была зачата и рождена в краю незаходящего Солнца. Аполлодор (I, IV, 5) рисует ее заступницей гиперборейцев. О гиперборейской принадлежности Артемиды говорится и в древнейшей оде Пиндара, посвященной Гераклу Гиперборейскому. Согласно Пиндару, Геракл «достиг земель, что за спиной у ледяного Борея» (то есть Гипербореи), чтобы совершить очередной подвиг – добыть Киринейскую Лань. Крылатую атрибутику (летающие сандалии) имеет и бог Гермес, он также был тесно связан с северными широтами. И не мог не быть связан – коль скоро прапредки эллинов были родом из своей индоарийской полярной прародины, откуда они и двинулись на Балканы после климатического катаклизма, унеся с собой и архаичную мифологию. Персей Гиперборейский завладел своими знаменитыми крылатыми сандалиями тоже на родине Солнца – в Гиперборее. Для этого ему пришлось обмануть сестер Горгоны Медузы – грай (старух), у которых был один-единственный зуб и один-единственный глаз на троих.

Воспоминания о летательных способностях наших далеких предков и прапредков теряются в седой древности. Согласно представлениям индоариев, которые сформировали ядро своей идеологии на Полярной прародине, владыкой Севера и хранителем традиций Золотого века был бог богатства Кубера, он же – властелин Подземного царства и хранитель его несметных сокровищ. На отрогах вселенской горы Меру Кубера владел райским садом, но предпочитал жить под землей, где скопил несметные богатства. Среди множества волшебных дико-

винок, которыми обладал Кубера, была и летающая колесница. Впоследствии ее похитил злой демон (ракшас) Равана – главный соперник и враг всех ведийских богов: на ней он сражался с Рамой – героем великого индийского эпоса «Рамаяна». Но создана летающая колесница была на Севере, что вполне соответствует сведениям древних авторов о гиперборейцах как о летающем народе. Еще Овидий писал об одеянии гиперборейцев – «будто бы тело у них одевается в легкие перья» (Ovid. Met. XV, 357), что дает основание предположить, что в далеком прошлом на Севере существовала чуть ли не «перьевая» (и одновременно – «меховая» и «деревянная») цивилизация. До сих пор у многих народов, включая лапландских саамов, существуют так называемые «птичьи танцы». Подобные танцы широко распространены во многих архаичных культурах.

Думается, не случайно и в северном искусстве сложился настоящий культ крылатых людей. Во множестве сохранились изображения вероятных летательных аппаратов – типа воздушных шаров – среди наскальных рисунков Онежского озера. Есть среди них и предположительное изображение летящего гиперборейца. Русский фольклор также сохранил немало образов-символов летательных средств: летучий корабль, деревянный орел, ковер-самолет, ступа Бабы-Яги и др. Уместно также предположить, что особо любимые и чтимые на Руси образы птицедев Сирина, Алконоста, Гамаюна уходят своими корнями в глубокую гиперборейскую древность – необязательно напрямую, а скорее всего, через взаимодействие разных культур, опосредованных в пространстве и во времени. Похожая птицедева – Лебединая богиня – известна и у российских ненцев. Совсем недавно множество литых бронзовых фигурок крылатых людей, вновь заставляющих вспомнить о гиперборейцах, обнаружено при раскопках святилища на острове Вайгач, расположенном в акватории Ледовитого океана – месте прописки древней Гипербореи.

Множество стилизованных бронзовых изображений птицелюдей было найдено в разных местах Прикамского региона и Приполярье Урала – образцы так называемого Пермского звериного стиля. Почему-то их принято именовать «чуждскими древностями» и односторонне привязывать к финно-угорской культуре: раз последними по времени аборигенами здесь являются коми, ханты, манси и другие народы, значит, именно им и принадлежат обнаруженные археологами предметы и изделия. Однако истоки финно-угорских, самодийских, индоевропейских и всех других народов следует искать в северной Гиперборее с единым языком и культурой. Именно в эту гиперборейскую древность уходят и корни «пермского стиля» с его крылатыми птицелюдями, распространенными, впрочем, по всему земному шару – вплоть до Южной Америки и острова Пасхи.

Описания «механизма» архаичных полетов во множестве сохранились в памяти северных народов в виде устойчивых фольклорных образов, бережно передаваемых из поколения в поколение. В саамских преданиях такой полет описывался очень просто: разжигался костер из стружек, накрывался мокрой рогожей, на рогожку мог садиться всяк желающий, и жаром его поднимало на небеса аж до самого Господа Бога. Одним словом, саамский ковер-самолет. Такие «полеты» лопарей со слов всю жизнь прожившего среди них русского сказителя записал в начале века Михаил Михайлович Пришвин (1873–1954).

В «Калевале» многие события разворачиваются на родине саамов – в Лапландии-Сариоле, описывается полет на орле старца-богатыря Вяйнямейнена к пределам далеких северных земель:

Богатырь из волн поднялся,
На крыло к орлу уселся,
У хвоста, у самой кости.
Вот несет орел небесный
Вяйнямейнена седого,

Он несет его по ветру,
По пути ветров весенних,
К дальним Севера границам,
К той суровой Сариоле...

Практически теми же словами рассказывается о полете на «самолетном деревянном орле» русских героев в северное Подсолнечное царство. В великой поэме Фирдоуси «Шахнаме», во многом построенной на основе древних фольклорных сказаний, также рассказывается о полете царя Кей-Кавуса на орлах. Безусловно, нельзя не вспомнить и кульминационный эпизод «Калевалы», где рассказывается о решающем морском сражении между главными героями карело-финского эпоса с противостоящим им народом Похьелы (Сариолы) за обладание волшебной мельницей Сампо. Действие происходит посреди моря-океана. Испробовав все боевые средства против сынов страны Калевы и потерпев неудачу, владычица Похьелы – ведьма Лоухи – оборачивается гигантской птицей – «летучим кораблем». Вот как это выглядело в передаче народных сказителей:

Сто мужей на крылья сели,
Тысяча на хвост уселась,
Села сотня меченосцев,
Тысяча стрелков отважных.
Распустила Лоухи крылья,
Поднялась орлом на воздух.

Летательными способностями обладает и кельтская волшебница Моргана – она такая же ведьма, как и Лоухи, только помоложе, поутонченней и покрасивее (кстати, по-кельтски ее имя звучит Морриген, что и по смыслу, и по вокализации совпадает со славянской богиней смерти Мореной-Мораной):

Знает искусство она изменять обличье и может
В воздухе на новых крыльях взлетать, подобно Дедалу,
Если захочет, летит в Бристиду, в Карнот иль в Папию,
Если захочет, и к нам соскользнет с высокого неба.
Той же волшбе, говорят, и другие обучены сестры⁹...

В древних сказаниях других народов также встречаются упоминания о совершенных средствах воздушного передвижения. Так, в бурятской версии великого дальневосточного эпоса «Гэсэр» рассказывается о железной птице, сделанной, кстати, на Севере:

Стали хитрым трудом трудиться
Три владыки, три колдуна.
Сотворили огромную птицу,
Что, казалось, земле равна.
<...>
Рукотворная птица разом
На высокое небо взлетела —
Как земля, велико ее тело!
Распростертые мощные крылья

⁹ Монмутский Г. Жизнь Мерлина.

И луну и солнце закрыли.
 Расширялась когтистою тучею,
 В небе тварь пожирая летучую.

Однако имеются и более технологические описания подобных летательных аппаратов. И содержатся они, как бы это парадоксально ни показалось на первый взгляд, в преданиях об Атлантиде, которые сохранились в секретных архивах розенкрейцеров, иллюминатов и масонов. В Наполеоновские времена (то есть приблизительно на рубеже XVIII и XIX веков) сведения эти стали достоянием более широкой публики, постепенно просочились в открытую печать, затем ими основательно завладели теософы и антропософы. Не следует думать, что упомянутые легенды – сплошь мистическая выдумка и чепуха. Как раз таки наоборот. Если Платон, суммируя все известное к тому времени об Атлантиде, опирался в основном на устную традицию, то в секретных архивах тайных орденов наверняка сохранились подлинные документы. К таковым относятся, видимо, и карты эпохи Александра Македонского, которыми пользовался Колумб, а также отец и сын Меркаторы.

Сказанное относится и к сведениям о летательной технике древности, традиционно связываемой с Атлантидой. Как известно, однако, судьба Атлантиды неотделима от судьбы Гипербореи: их постигла одинаковая участь, по мнению некоторых античных авторов (например, Аполлодора) они попросту тождественны. Скорее всего, на масонско-теософские сведения о высокой технической развитости Северной цивилизации ориентировался и Александр Васильевич Барченко (1881–1938), задумывая свою экспедицию на священное саамское Сейдозеро в Русской Лапландии и в другие сакральные места. Возможно, он видел и сами документы, возможно, рассказывал о них Дзержинскому. А быть может, только намекал, что неплохо было бы всесильной службе безопасности раздобыть эти документы (если, конечно, к тому времени документы давно уже не находились в руках чекистов и не хранились за семью печатями где-нибудь на Лубянке).

Так или иначе, но сообщения о высокоразвитой летательной технике древности (здесь уже безразлично, идет ли речь об атлантах или гиперборейцах) подверглись взыскательной научно-технической экспертизе со стороны серьезных ученых. Один из видных специалистов и пионеров в области воздухоплавания, авиации и космонавтики профессор Николай Алексеевич Рынин (1877–1942) издал в 1928–1932 годах уникальный 9-томник «Межпланетные сообщения», где собрал все доступные к тому времени сведения по истории и предыстории вопроса, включая древние и средневековые легенды и гипотезы писателей-фантастов. Он-то и попытался дать беспристрастную оценку техническим достижениям древних гиперборейских и атлантических авиаторов.

По теософским данным, первобытные летательные аппараты строились либо из легкого металла, либо из специально обработанного дерева (последнее в наибольшей степени подходит для летающего корабля Лоухи). Древние «летучие корабли» были разных типов и вместимости. Они могли перевозить по воздуху от 5 до 100 человек (последняя цифра в точности соответствует данным «Калевалы»). Между прочим, беспримерный компендиум Рынина, посвященный мифологическим и научно-фантастическим полетам над Землей и за ее пределами, начинается с «Калевалы», с подъема Лоухи к Солнцу и Месяцу и их похищения.

Летали древние корабли ночью и днем, в темноте светились. В качестве движущей силы использовалась субатомная энергия громадной мощности. Первобытный самолет состоял из центрального корпуса, боковых крыльев, килей и рулей. Сзади имелись два подвижных сопла, через них вырывались потоки огненной субстанции. Короче, принцип движения летательного аппарата был ракетным. Кроме того, под дном корабля находились еще восемь сопел, с их помощью обеспечивался вертикальный взлет корабля. Реактивные аэропланы управлялись в полете автоматически, навигация осуществлялась при помощи визир-компасов. Скорость

полета достигала 200 км/час [Вообще-то, это не так уж и много. – В.Д.]. Летали аппараты на высоте 300–400 м [Тоже, прямо скажем, не слишком высоко, но зато напоминает современную крылатую ракету. – В.Д.]. Горы не перелетались, а облетались. После гибели Атлантиды (по утверждениям теософов, это произошло в 9564 году до н. э.) часть ее уцелевших жителей перелетела на таких кораблях в другие страны и на другие континенты.

Дополнительным доводом в пользу вышесказанного о летательной технике далекого прошлого может послужить еще один факт, продолжающий «крылатую тематику». Археологов не перестает удивлять обилие так называемых «крылатых предметов», постоянно находимых в эскимосских могильниках и относимых к самым отдаленным временам истории Арктики, – многие из них испещрены солярными знаками. (Между прочим, по эскимосским преданиям, прародители этого народа когда-то прилетели на Север на железных птицах.) Сделанные из моржового клыка распростертые крылья из эскимосских могильников, не вписывающиеся ни в какие каноны, сами собой наводят на мысль о древних летательных приспособлениях.

Впоследствии крылатые символы, передаваясь из поколения в поколение, распространились по всему свету и закрепились практически во всех древних культурах: египетской, ассирийской, хеттской, персидской, ацтекской, майя – и так до Полинезии. Ныне парящие крылья как архетип (подсознательная память о заре человечества) стали эмблемой российской авиации и космонавтики.

Сохранилась карта Меркатора, основанная на каких-то древних знаниях, на которой Гиперборея изображена в виде огромного арктического материка с высокой горой посередине. Вселенская гора прапредков индоевропейских народов – Меру – располагалась на Северном полюсе и являлась центром притяжения всего небесного и поднебесного мира. Любопытно, что, согласно просочившимся в печать ранее закрытым данным, в российских водах Ледовитого океана действительно существует подводная гора, практически достигающая ледяного панциря (есть все основания предполагать, что она, как и упомянутые выше хребты, погрузилась в морскую пучину сравнительно недавно).

О сопряженности Гипербореи с Россией известно давно. Мишель Нострадамус (1503–1566) именовал россиян «народом гиперборейским». Еще раньше крупнейший средневековый философ Роджер Бэкон (ок. 1214 – ок. 1292) писал в своем главном произведении «Великое сочинение» («Opus majus») о сопряженности русских с гиперборейцами:

«За Руссией, к северу, живет племя гипербореев, которое так именуется от больших гор, называемых Гиперборейскими. И это племя из-за живительного воздуха живет в лесах, племя до такой степени долговечное, что они не думают о смерти. Племя тихое и миролюбивое, ведущее благонравнейший образ жизни, никому не причиняющее зла и не испытывающее беспокойства со стороны других. Напротив, другие сбегаются к ним, словно в приют...»

Как принято говорить в подобных случаях: «Не твоя ли история это?..» Читателю предоставляется право самому определить, что можно, а что нельзя отнести к характерным чертам народов, ныне населяющих Русскую землю.

Глава 2. Бездна тайн в краю Семизвездия

*И в небе теплятся лампы Семизвездья.
Максимилиан Волошин*

*Чей разум угадал сквозь льды
Давно желанный путь,
Куда нищбы не шли следы,
Где замерзает ртуть,
Там каждый миг и каждый час
Всеми конец готов...*

Анна Ахматова

*И я, не избежав изгнания,
Пытаясь скрасить горький век,
Собрал и объяснил названия
Гиперборейских гор и рек.
И, озарен незримым светом,
Я был пред вечностью склонен,
Уподобляя самоцветам
Слова исчезнувших племен.*

Сергей Марков

Septentrio – страна Семизвездия (Большой Медведицы) – так на некоторых средневековых картах обозначена таинственная Гиперборея-Туле. Издревле здесь обитало множество разных народов. Одни из них были прямыми потомками гиперборейцев, другие – их пришлыми соседями. Геродот, для которого знания о далеком прошлом как его собственного эллинского народа, так и других неэллинских (варварских) народов были практически полностью утрачены, попытался все же нарисовать картину обитания северных племен. Получилась она если и не совсем странной, то уж наверняка более чем загадочной и плохо поддающейся расшифровке. Посудите сами:

«В северных областях Европы, оказывается, много золота. Как оно добывается, этого я точно сказать не могу. Говорят, что одноглазые люди – аримаспы – похищают его у грифов. Но я в это не верю, равно как и в то, что люди рождаются одноглазыми, имея прочие свойства – такие же, как и у остальных людей. Но, по-видимому, самые крайние области, которые замыкают и заключают внутри себя всю остальную землю, действительно имеют то, что считается у нас самым прекрасным и самым редким. <...>

Аристей, сын Каистробия, муж родом из Проконнеса, сказал в своих стихах, что одержимый Фебом, он дошел до исседонов, а что выше исседонов живут одноглазые мужи – аримаспы, а выше этих – гипербореи, достигающие моря. Кроме гипербореев, все эти племена, начиная с аримаспов, всегда нападали на соседей. И как аримаспами вытесняются из страны исседоны, так исседонами – скифы».

Современники обвиняли Геродота в мифотворчестве, имея в виду именно данный фрагмент и ему подобные, хотя сам «отец истории» всячески оговаривается, опасаясь более всего быть обвиненным во лжи. И все же к загадочной личности путешественника и поэта Аристея он обращается вновь и вновь. Дело в том, что эллинский пионер исследования Севера не

просто странствовал по приполярным и заполярным областям целых семь лет, но и написал о своих странствиях поэму под названием «Аримаспея». Она была широко известна и популярна в Древнем мире, хотя ко времени написания Геродотовой «Истории» оказалась утерянной (сохранилось всего лишь три строчки).

Во время путешествия в далекие северные края Аристей вовсе не оставался сторонним наблюдателем увиденного и услышанного. Он тщательно вникал во все происходящее и в результате овладел шаманскими навыками (или же был посвящен в них). По сообщениям позднейших античных авторов (Максим Тирский и Суда), Аристей в присутствии многих свидетелей впадал в транс, наподобие хорошо известного и многократно описанного шаманского камлания. В момент, когда он сам впадал в летаргию, его душа отделялась от тела и отправлялась в полет (превращалась в ворона, уточняет Геродот). Это позволяло Аристею видеть и впоследствии описывать страну варваров, ее города, горы, леса, реки, моря, острова, а также, как подчеркивает первоисточник, народы и их судьбы. Неспроста такой человек был обожествлен, в Проконнесе ему была воздвигнута статуя, которой поклонялись как изваянию, творящему чудеса.

Геродот – далеко не первый и не последний информатор об аримаспах и грифах. До него о хозяевах Севера писал Эсхил, после – Плиний Старший. Эсхил поименовал грифов «безгласными псами Зевса», а одноглазых аримаспов – конной ордой, живущей у златоносной реки. Плиний менее эмоционален, зато более точен и подробен:

«...Недалеко от места возникновения Аквилона [Северного ветра. – В.Д.] и так называемой его пещеры, именуемой Гекмитрон (то есть “земная дверь” или “земной запор”), обитают уже упомянутые аримаспы, отличающиеся одним глазом посередине лба; они будто бы постоянно воюют из-за рудников с грифами, которых предание представляет в виде крылатых зверей, выкапывающих в подземных шахтах золото, причем и звери с удивительной алчностью берегут золото, и аримаспы похищают; об этом писали многие, а особенно знаменитые Геродот и Аристей Проконнеский».

Греку Аристею так понравилась жизнь на Севере, что после написания поэмы он вновь отправился в страну «близ Борея», а возможно, и «за Бореем», откуда уже не вернулся совсем. Что же привлекло уроженца солнечного Средиземноморья в краях, где зимой, случается, солнце и вовсе не светит, а на морозе стынет все живое? И что за народы проживали в тех неведомых краях? Чем вдохновили они пытливого мужа на создание целой поэмы? Прежде всего необходимо разобраться в самом реестре, то есть Геродотовом перечне северных народов.

Отбросив все фантастическое и наносное, можно получить некоторый «сухой остаток». Прежде всего – этимология, то есть объяснение происхождения прозваний самих народов. Прямо скажем, ясности тут никакой. Уже Геродот понятия не имел, кто такие аримаспы или исседоны и что именно означают их имена. С гипербореями проще – это название придумали сами греки, о чем уже говорилось в предыдущей главе. Обращу только внимание: перечисляя жителей Севера и сравнивая их друг с другом, Геродот подчеркивает миролюбие гипербореев – явный отголосок Золотого века.

Далее, за гипербореями, следует «тандем» – аримаспы и грифы. Поскольку грифами (грифонами) изначально считались мифологические монстры с телом животного и головой хищной птицы, их ирреальность автоматически переносилась и на сопряженных с ними аримаспов, которые к тому же считались одноглазыми от рождения. Так ли это? Думается, нет! В отношении грифов Геродот, прекрасно отличавший реальное от баснословного, говорил, что это народ, а никакие не чудища. Даже если согласиться, что грифон изначально означал птицу с львиным туловищем, то и из этого ничего не следует. Такой грифон мог символизировать родовой тотем, быть его отличительным знаком, по которому и весь народ (или племя) именовался грифами. Не лишено вероятности, что широкая распространенность грифонов в скифском и русском искусстве – отголосок такого архаичного мировоззрения.

Хорошо известно также, что некоторые северные народы в качестве теплых головных уборов использовали высушенные шкурки водоплавающих птиц, снятые вместе с перьями. У саамов (лопарей) этот древний обычай практиковался еще до недавнего времени. Использование птичьих шкурок в утилитарно-декоративных (или, напротив, в культовых и обрядных) целях в прошлом был повсеместно распространен у многих народов Сибири и Крайнего Севера – ненцев, эвенков, хантов, обских угров и др. На всех континентах, а также на многих островных территориях перья вообще являются культовым материалом. А древнейший обычай помещать шкурку, изображение птицы или ее крылья на головном уборе трансформировался в воинские шлемы (например, у кельтов) или парадные каски с литыми птичьими фигурками на макушке.

Вполне возможно, образ таких «птицеголовых» людей в трансформированном виде наложил отпечаток и на представление о грифах. (Не исключается также и крылатый аспект грифов, которые вполне могли символизировать летательные аппараты, распространенные в гипербореические времена на Севере, – о чем речь уже шла в предыдущей главе.) То же самое относится и к аримаспам. меховой наголовник (куколь), соединенный с нераспашной одеждой мехом наружу и плотно облегающий голову, который зимой носит большинство северных народов, именуется совиком (есть еще малица – с мехом вовнутрь). Издали голова в таком одеянии может выглядеть лицом с одним большим глазом.

Кроме того, одноглазие (например, у классических циклопов) первоначально символизировало солнце, откуда, собственно, и прозвание «циклоп» («цикл» = «круг»). В этой связи символом аримаспов мог вполне быть такой же круг, который прикреплялся, рисовался, татуировался, выжигался или же прорезался на лбу (ритуальные надрезы на лице и сегодня практикуются в некоторых австралийских, африканских, океанийских, индейских, папуасских и других племенах). Среди бронзовых фигурок, найденных в Прикамье, попадаются женские и мужские изображения с большим кругом на лбу. Ну чем не аримаспы! Некоторые лица совмещены с головами остроклювых птиц, которые можно воспринимать как головные уборы (композиция в целом снова наводит на мысль о грифах).

Вопрос лишь в том: какой круг воспроизводился на лбу – солнечный или лунный? Древние народы на разных стадиях своего исторического развития поклонялись и дневному, и ночному светилам. Если в данном ракурсе вдуматься в слово «аримаспы», то легко выявить две корневые основы – «ари» + «мас». Они мало чем изменились за тысячи лет. Первая как означала, так и означает по сей день «арьи» или «арии» (агуа в санскрите означает «благородный», «верный», хотя необходимо принять во внимание, что архаичная корневая основа аг образует и другое санскритское слово – агка, означающее «солнце» и «бог солнца»; от данной общиндо-европейской и доиндоевропейской основы в конечном счете образовано и понятие «Арктика»).

Что касается второго корня в составе этнонима «аримаспы», то он также хорошо известен в индоевропейской языковой традиции: в санскрите, например, mas означает и «месяц», и «луну». Аналогичный корень (с учетом чередования гласных) – и в других индоевропейских лексемах, в том числе и в славянском «месяце». Память о древних солнценосных, звездносных и месячносных божествах благодаря фольклору дожила и до наших дней. Разве не о том свидетельствует пушкинский образ Царевны Лебеди, заимствованный из русских сказок: «Месяц под косой блестит, а во лбу звезда горит»?

Таким образом, этноним «аримаспы» мог вполне означать «лунные арии» (то есть «арии, поклоняющиеся Луне» или «арии тотема Луны» – в отличие от ариев-солнцеклонников, принадлежавших к соответствующему тотему или поклонявшихся Солнцу, – таких было большинство). Между прочим, Геродот самолично пытался расшифровать смысл этнонима «аримаспы», ссылаясь на то, что якобы по-скифски так звучит слово «одноглазые»: арима – «одно» + спу – «глаз». Однако в иранских языках, к коим принято относить скифский язык (да и ни

в каких других тоже), такие корни и тем более с такими смыслами даже не просматриваются. Вот и верь после этого «отцу истории»!

Ну а чем конкретно занимались птицеголовые грифы и аримаспы-конники, ясно из вышеприведенных свидетельств античных источников: первые добывали золото, вторые пытались его отнять и присвоить. Золотоносный аспект древней коллизии привел некоторых исследователей к предположению, что все описанное греческими и римскими авторами могло происходить не просто на Русском Севере, а конкретно на берегах и в бассейне сибирских рек Енисея, Лены и даже Колымы, известных своими золотыми запасами, старательской и промышленной добычей. Гипотеза заманчивая, но необязательная. Плиний сообщает очень интересную деталь: люди племени грифон работали в рудниках и шахтах. Безусловно, здесь могло добываться не только золото, но и другие металлы. Такие промышленные разработки на Севере возможны где угодно: и на Таймыре, и на Урале, и на Кольском полуострове. На Мурмане, например, в самом центре Русской Лапландии, богатой рудами редких металлов и платины (есть здесь также и золото), в ходе научно-поисковой экспедиции «Гиперборея» были обнаружены древние карьеры, кратеры, затопленные водой овальные спуски под землю (шахты?) и другие техногенные следы проводившихся в очень отдаленные времена промышленных разработок.

Этническую картину, нарисованную Геродотом, завершают исседоны, относительно которых «отец истории» продолжает нагнетать страсти:

«Об обычаях исседонов рассказывают следующее. Когда умирает чей-нибудь отец, все родственники пригоняют скот, закалывают его и мясо разрубает на куски. Затем разрезают на части также и тело покойного отца того, к кому они пришли. Потом все мясо смешивают и устраивают пиршество. С черепа покойника снимают кожу, вычищают его изнутри, затем покрывают позолотой и хранят как священный кумир. Жертвоприношения совершает сын в честь отца, подобно тому как это происходит в поминальном празднике у эллинов. Этих людей также считают праведными, а женщины у них совершенно равноправны с мужчинами».

Между прочим, исседоны считались такими же «одноглазыми», как и аримаспы. Об этом прямо говорит очевидец Аристей в тех самых трех строках, которые сохранились от его обширной поэмы «Аримаспея». В подстрочном переводе В. В. Латышева это звучит так:

«Исседоны, чванящиеся длинными волосами (собственно – гривами). Эти люди живут вверху, в соседстве с Бореєм, многочисленные и очень доблестные воины, богатые конями, стадами овец и быков. Каждый из них имеет один глаз на прелестном челе; они носят косматые волосы и являются самыми могучими из всех мужей».

Аримаспы и исседоны являлись важным связующим звеном между Гипербореей и остальным миром. По сообщению Павсания (I, 31, 2), они служили своего рода «передаточным механизмом» при посылке жертвенных гиперборейских даров в Элладу, на остров Делос. Эти знаменитые жертвенные дары были тщательно упакованы и обернуты в пшеничную солому (эту деталь подчеркивают буквально все, кто писал о гипербореях). Но (!) – обращаю особое внимание – никто и никогда не видел, что же завернуто в таинственную посылку: может, послание, а может, и передающее устройство. Еще одна загадка Гипербореи!

* * *

Необычные экспонаты были выставлены в 1996 году в Санкт-Петербургском Государственном Эрмитаже: это было золото, найденное на севере Тюменской области. Но за пуленепробиваемыми стеклами и под бдительным взглядом вооруженной охраны демонстрировались не природные самородки. Изумленные зрители замирали перед драгоценными изделиями, посудой, утварью и украшениями разных эпох и народов – скифскими, сарматскими, древнеиранскими, византийскими, хазарскими, булгарскими, скандинавскими и русскими. В Эрми-

таже, конечно, можно увидеть и не такое – но при чем же здесь Тюменская область? Зрителям объясняли: выставленные предметы в разное время попали на Русский Север в обмен на меха, которые испокон веков интересовали разные народы независимо от их языка и веры. Удивляло и другое: как все это богатство сохранилось в целостности и сохранности до наших дней, какими неведомыми путями эти изделия попали сначала в краеведческий музей, а оттуда и на выставку в Эрмитаж? Наиболее типичное объяснение – «случайно».

Это почти что мистическое «случайно» сопровождает очень многие удивительные и до сих пор вразумительно не объясненные находки на Севере. Приведу наиболее свежий пример. Недавно в Печорском крае была обнаружена старинная бронзовая бляха, похожая на медаль, с искусным изображением крылатого кентавра. Ее нашел доктор биологических наук М. Д. Сонин на берегу реки Надым у поселка Шуга (ближайший город – знаменитый Пустозерск, где томился в земляной тюрьме, а затем был сожжен на костре вместе со сподвижниками неистовый протопоп Аввакум). Так вот, шел, значит, профессор по безлюдному берегу северной реки, глядь – а под ногами валяется бесценная реликвия неизвестного происхождения. Откуда же она тут взялась? Вдумайтесь только: крылатый кентавр в местах, где, как говорится, Макар телят не пас!

Дужка для цепочки или тесемки недвусмысленно свидетельствует, что «медаль» носилась на шее, подобно амулету или знаку отличия. На самом же деле это никакая не медаль, а металлическое зеркало. Подобные бронзовые реликвии обнаруживались неоднократно в самых различных частях европейской и азиатской России у представителей разных народностей – ненцев, хантов, манси, бурятов, юкагиров. Шаманы считали их магическими, простые смертные использовали как украшения. Металлические зеркала известны ученым со времен глубокой древности, в особенности в Китайской империи и ее окружении. Однако находки на территории России принято связывать с иными историческими регионами и эпохами, и в первую очередь со средневековыми Средней Азией и Ираном.

Вот почему публикатор памятника археолог О. В. Овсянников поспешил записать его в разряд восточных (предположительно иранских) изделий XVII века. Почему именно XVII век – не раньше и не позже – и, главное, почему среднеазиатское или же иранское бронзовое зеркальце оказалось на Крайнем Севере, объяснить толком никто не может¹⁰. Заезженный ответ – «в обмен на меха» – здесь срабатывает не слишком убедительно: ценность бронзовой бляхи не так уж велика, и ее предназначение для товарообмена проблематично. Тем не менее еще в 1950 году была выдвинута версия, призванная объяснить стойкую приверженность северных народов к крылатым кентаврам и происхождение многочисленных металлических зеркал с их изображениями. Автором оригинальной концепции стал будущий академик и в скором времени всемирно известный археолог Алексей Павлович Окладников (1908–1981). Ему удалось опубликовать в 13-м томе академического ежегодника «Советская археология» статью, посвященную находке очередного кентавра – да не где-нибудь, а на острове Фаддея, что расположен на севере от побережья Таймырского полуострова. Обнаружила бляху-зеркало летом 1941 года ленинградская Арктическая экспедиция, привезла на Большую землю, но из-за разразившейся войны руки до таинственной реликвии дошли лишь через десять лет.

И опять все тот же сакраментальный вопрос: ну откуда, скажите на милость, бронзовый литой кентавр на необитаемом острове Ледовитого океана? За несколько лет настойчивых поисков и размышлений А. П. Окладников собрал и проанализировал весь доступный ему материал и пришел к следующему выводу. Вполне возможно, что металлическое зеркало потеряли (!!) на острове Фаддея погибшие полярные мореходы, чьи останки и вещи были обна-

¹⁰ Что касается зимовки поморов на острове Фаддея (еще не имевшего такого названия к моменту их смерти), то сей факт давно уже занесен в анналы русских открытий в Арктике: безымянные мореплаватели достигли берегов Таймыра задолго до его официального открытия. – В.Д.

ружены на противоположном таймырском берегу. Само же изображение крылатого кентавра попало к северным народам от русского населения, на протяжении нескольких веков колонизовавшего северные территории. Для русских кентавр – традиционный символический образ, его резные рельефы можно увидеть, к примеру, на стенах Дмитровского собора во Владимире или Георгиевского собора в Юрьеве-Польском. Есть кентавр и на Васильевских вратах из Софийского собора, что в Великом Новгороде. Эти огромные медные двери были сделаны в 1331 году по заказу новгородского архиепископа Василия, однако после кровавого погрома, учиненного опричниками Ивана Грозного, были в качестве трофея увезены в Александровскую слободу, где и поныне украшают Троицкий собор теперешнего города Александрова.

В древнерусской традиции античный кентавр (фантастическое существо – наполовину человек, наполовину конь) известен под именем Китовраса, представляющего собой искаженный перевод греческого слова «кентавр» и проникшего в православную культуру из византийских апокрифов. Сказания о мудром библейском царе Соломоне и не имеющем никакого отношения к Библии хитром чудище Китоврасе действительно были исключительно популярны на Руси. Впечатляющих подробностей апокрифические тексты не содержат. Скупо описывается его необычная внешность: «стань человек, а ноги коровьи», рост, судя по всему, преогромный, ибо он «жену в ухе носил».

Сказанное мало напоминает настоящего кентавра, то есть человека-коня. Китоврас, скорее, человек-бык, похожий на изваяния тех гигантских крылатых быков с человеческими лицами, что сторожили вход во дворцы ассирийских или персидских царей. Кстати, русский апокрифический Китоврас тоже крылат: в древнерусском тексте сказано, что он ударил Соломона не рукой или ногой с копытом, а крылом и забросил царя на край земли обетованной. Про нрав Китоврасов говорится: «Не ходил он путем кривым, но – только прямым». Зато сам был хитрющий-прехитрющий и коварный – самого царя Соломона вокруг пальца обвел. Вот и все – остальное же пусть домысливает воображение. Правда, немедленно обнаруживается досадная нестыковка: византийские апокрифы были впервые переведены на древнерусский в конце XV века, а изображения столь любимого на Руси Китовраса были широко распространены, по меньшей мере, на триста лет раньше: сооружение Дмитровского собора во Владимире было завершено, к примеру, в 1197 году.

А. П. Окладников объясняет поразительную распространенность Китовраса среди коренных малочисленных народностей Севера вот как. Бронзовые зеркала испокон веков имели широчайшее хождение среди древнейших народов Евразии. Из сопредельных с Россией стран русским купцам особенно полюбили изделия среднеазиатских и иранских мастеров, которые на оборотной стороне зеркал нередко отливали изображения конного охотника с соколом в руках (хорезмийская школа) или же крылатого пса Сэнмурва (персидская школа).

Завезенные в Россию восточные зеркала, в свою очередь, приглянулись русским умельцам, которые решили, что они тоже не лыком шиты, и вскоре стали отливать похожие зеркала, но с одним исправлением: на реверсе стал изображаться не всадник с соколом или Сэнмурв, а свой, родимый Китоврас (впрочем, для данного предмета трудно однозначно определить, какую сторону считать реверсом, а какую – аверсом). Это нововведение настолько понравилось северным аборигенам, что все они – от Печоры до Индигирки – по мере появления там русских (у каждого, надо полагать, котомка была переполнена бронзовыми зеркалами) ни о чем другом, кроме как о крылатых кентаврах, и слышать не хотели.

Но опять возникают вопросы. Во-первых, если русские северные умельцы наладили массовое производство зеркал, почему последние не получили столь же широкого распространения среди русского населения и ими не завалены местные краеведческие музеи? А во-вторых, почему ненцы, ханты, манси, юкагиры, буряты, у которых русские этнографы и землепроходцы спустя двести (а то и поболее) лет выменивали или покупали для своих коллекций бронзовые зеркала с крылатым кентавром, не могли толком объяснить, как или хотя бы когда к ним в

чум эти самые зеркала попали (хотя по господствующей версии произойти это должно сравнительно недавно)? И уж тем более никак не вяжется с такой трактовкой крылатый Китоврас, найденный на необитаемом таймырском острове Фаддея в море Лаптевых, где русские офени с котомками, якобы набитыми бронзовыми зеркалами, отродясь не бывали. И не потому, что их отпугивали суровые и безлюдные края (русские землепроходцы или добытчики мамонтовой кости и не туда доходили!), – просто товар сбывать было некому.

Безусловно, А. П. Окладников предложил оригинальную версию происхождения северных кентавров. Мудреную до неправдоподобия. Но, может быть, и не стоило улетать мыслью в дальние восточные страны и не выстраивать, а внимательно посмотреть вокруг себя или под ноги (как это случилось с недавней печорской находкой). Не проще ли предположить, что загадочный крылатый кентавр – это обычная трансформация одного из языческих богов, коему некогда поклонялись на Руси и память о котором (а быть может, и тайная вера) продолжала сохраняться и после принятия христианства? По летописям и документам хорошо известно, как непросто шло утверждение новой веры, с каким сопротивлением языческих жрецов и местного населения (особенно на Севере) приходилось сталкиваться православным миссионерам. Много было уничтожено – капища, идолы, письмена. Но многое и уцелело, сумело приспособиться к новым идеологическим реалиям.

Древние языческие праздники – Коляда, Масленица, Купала, Семик, Кострома и др. – совместились с христианским календарем. Отголоски архаичных обычаев при рождении, свадьбе, похоронах и по сей день живут своей неуничтожимой жизнью. Нетронутыми остались архаичные нехристианские имена – Владимир, Святослав, Всеволод, Ярослав и другие. Народная вышивка, роспись, резьба, украшения по-прежнему хранят традиционную символику, включая и стилизованные изображения древних языческих богов. Так почему же один из них не мог трансформироваться в некоторый синтетический и устойчивый мифологический образ, с которым вынуждено было мириться православное духовенство? Как оно было вынуждено терпеть традиционные языческие праздники, осуждая последние лишь на словах, но будучи совершенно не в силах преодолеть стойкие, тысячелетиями существовавшие обычаи и убеждения?

Если опираться на такую версию, то становится понятным столь устойчивое и необъяснимое с точки зрения здравого смысла наличие кентавров на стенах православных храмов. Более того, иначе их присутствие среди библейских персонажей и не объяснишь. А так вроде бы все на своих местах – и старые боги, и новые. Остается выяснить, о каком именно старом боге может идти речь. Прежде всего это – конный бог. Таких индоевропейский мир знает немало. У славян самый прославленный бог на коне – Световит. В знаменитом храме Арконы на острове Рюген прибалтийские славяне вагры поклонялись не только самому богу, но и его коню. По свидетельству Саксона Грамматика, Световита символизировали разные знаки, в частности резные орлы и знамена. Кроме того, при нем был конь, совершенно белый, до которого простым смертным нельзя было дотрагиваться и у которого даже выдернуть волос из гривы или хвоста почиталось кощунством. Только верховный жрец мог его кормить и на нем ездить, чтобы обыкновенная узда не унизила божественного животного. Верили, что на этом коне Световит по ночам ведет войну против врагов своего святилища и всего славянского рода. Подтверждением тому служил демонстрируемый всем желающим факт: по утрам конь, оставшийся в стойле, был покрыт пеной и грязью, как будто только что воротился с поля боя.

Но вернемся к крылатому кентавру. Могло бы изображение на бронзовых зеркалах, получивших столь широкое распространение на Русском Севере, функционально соответствовать верховному богу древних славян? Вполне! Однако представляется, что корни крылатого божества уходят еще глубже. Световит являлся главным лишь в ряду других светоносных славянских небожителей, причем на довольно-таки поздней стадии развития общеславянского этноса. Так, мировая мифология знает, как правило, множество Солнцебогов. Каждый из них

соответствует либо весеннему, летнему, осеннему и зимнему солнцу (считалось, что все это разные небесные объекты, точнее – божества), либо же дневному светилу, которое каждое утро нарождается заново и потому тоже является новым небесным феноменом (именно поэтому в древнеиндийской мифологии у Солнца более ста имен).

В русской языческой мифологии (по ежегодно отмечаемым народным праздникам) также известно несколько солнц – зимнее Коло (Коляда), весеннее Ярило, летнее Купало (осенние празднества совмещались с Перуновым днем). Были на Руси и другие солнечные божества, не привязанные однозначно к каким-либо временам года, например Хорс и Дажьбог. Древним символом солнца испокон веков выступало колесо (коло) с разным набором спиц – от трех до восьми. Как раз один из таких солнечных символов и изображен на крупе крылатого кентавра, что свидетельствует о его несомненном солнечном происхождении и предназначении. Известна также и иная солярная символика – концентрические окружности или же точка в круге.

Солярную природу русских китоврасов как раз и подтверждает крылатый кентавр, обнаруженный на острове Фаддея в море Лаптевых: Светобога окружают 12 солярных знаков – шесть однолепестковых и шесть трехлучевых. Общее число солнечных символов здесь вполне может соответствовать годовому двенадцатимесячному циклу (коло), а различное изображение солнышек и распадение их на две равные части могут соответствовать полярной ситуации, когда зимнее полунощное солнце, скрытое от глаз (однолепестковые знаки), в корне отличается от незаходящего и ослепительно сияющего летнего солнца (многолучевые знаки).

Аналогичные мысли также навеивает и изображение кентавра на роговой пластинке (предположительно XII век), найденной при раскопках в Пскове, – все оно испещрено циркульно-кружковыми знаками – всего их 24, то есть ровно вдвое больше, чем требуется для одного годового цикла. Данный кружковый символ (круг или два круга с точкой посередине), известный еще в древнекаменном веке и в народном искусстве, через древнеегипетскую и древнекитайскую иероглифику попал в современную науку, где круг с точкой посередине все так же обозначает Солнце, как он обозначал его тысячи лет тому назад.

Таким образом, на реверсе бронзовых зеркал мог вполне быть изображен один из древнерусских солнцегов, например Коло – Коляда. В день зимнего солнцестояния отмечалось его рождение – коловорот (поворот солнца от зимы к лету). Во все времена это был буйный, красочный и любимый народом праздник (по-славянски он так и прозывался – Коляда) – с веселыми играми, колядованием (выпрашиванием подарков) и исполнением архаичных песен-колядок, доживших до наших дней. Впоследствии решением одного из первых Вселенских церковных соборов рождение Солнца было совмещено с Рождеством Христовым, так как в евангелиях точная дата рождения Бога-сына отсутствует.

Но родословная самого Коляды уходит в еще большие глубины общеиндоевропейского и доарийского прошлого. О том, что солнцегов Коло издревле почитался на Севере, свидетельствует множество сохранившихся здесь топонимов – от реки Колы и названного по ее имени Кольского полуострова до реки Колымы и названного также от ее имени Колымского края. Солнцеклонниками, как уже было сказано, являлись и гиперборейцы – древний северный народ, владевший техникой полета.

Итак, снова Туле! Снова Гиперборея! Распростертые крылья – вечный ее символ. Так стоит ли после этого удивляться, что крылатый Солнцекентавр получил столь широкое распространение на Русском Севере? И стоит ли после этого искать следы его происхождения в Хорезме или Иране?

* * *

Интересно проследить также эволюцию образа Китовраса, поскольку данная тема непосредственно связана с историей Гипербореи-Туле. В народном сознании образ Китовраса в дальнейшем сомкнулся с образом другого получеловека-полуживотного – богатырем-кентавром, прозванным Полканом. Считается, что Полкан этот прижился на Руси благодаря чрезвычайно популярной вплоть до XVIII века переводной сказке о Бове-королевиче. Однако есть все основания полагать, что мифологическое существо с таким именем было распространено среди славян испокон веков. В пользу такого вывода свидетельствует один архаичный заговор, приведенный в знаменитом сборнике Ивана Петровича Сахарова (1807–1863) «Сказания русского народа». Заговоры и заклинания – это наиболее древний пласт всякого фольклора. В сахаровском же сборнике Полкан вообще наделен чуть ли не космическим могуществом, а обращение девушки к нему пронизано глубоким эзотерическим смыслом: «Полкан, Полкан! Разбей ты огненного змея, ты соблюди девичью красу Солнцовой девы». Действительно, по многим, в основном косвенным, данным Полкан был воинственным и стремительным воином, наделенным невообразимой силой. На интересные мысли наводит и корневая основа данного имени: во всяком случае, первая ее часть созвучна с именами других мифологических персонажей – Поллукс и Полифем (у эллинов), Полель (у славян) и др.

Но образ получеловека-полуживотного восходит и к самым истокам индоевропейской общности. Так, нет никакого сомнения, что русская кентавресса «девица Горгония» один к одному соответствует древнегреческой Горгоне Медузе. Согласно славянским преданиям, она знала язык всех животных. В дальнейшем в апокрифических рукописях женский образ Горгоны превратился в «зверя Горгония»: его функции во многом остались прежними: он охраняет вход в рай (то есть, другими словами, является стражем прохода к Островам Блаженных, где царил Золотой век).

В древнерусском апокрифе «девица Горгония» описывается следующим образом: «имуща же лице и перси и руки человечески, а нози и хвост имеет аки у коня, на главе же ей за влас место змии имеет». Проблема же состоит в том, является ли русский вариант змеевласой девы заимствованным у эллинов или же оба они – и славянский, и древнегреческий – восходят к тому общему источнику, который был связан еще с нерасчлененной (в рамках общеарийской этнолингвистической общности) культурой и верованиями. Все говорит в пользу последнего предположения.

Медуза – дочь морского Божества Форкия – сына Геи-Земли и прообраза русского Морского царя, сочетавшегося браком с титанидой Кето. У них было шесть дочерей, родившихся в гиперборейских пределах. Изначально они почитались как прекрасные Лебединые девы (лишь значительно позже из идеологических соображений они были превращены в безобразных чудовищ – грай и горгон). Дискредитация горгон шла по той же схеме и, видимо, в силу тех же причин, что и приписывание противоположных знаков и отрицательных смыслов при распаде общего индоиранского пантеона на обособленные религиозные системы, когда «деви» и «ахуры» (светлые божественные существа) становятся «дэвами» и «асурами» – злыми демонами и кровожадными оборотнями. Это общемировая традиция, присущая всем без исключения временам, народам, религиям. Демонизация политических и идеологических противников и сегодня является эффективным, хотя и аморальным, средством конкурентной борьбы. Что же тогда говорить о глубокой древности!

Судя по всему, еще до начала миграции протоэллинских племен на Юг у части их произошла переориентация на новые идеалы и ценности. Особенно наглядно это проявилось на примере самой знаменитой из трех горгон – Медузы (Медусы). Как и многие другие хорошо знакомые имена мифологических персонажей, Медуза – это прозвище, означающее «владычица»,

«повелительница». Дочь Морского царя и возлюбленная владыки морской стихии Посейдона – прекраснoliкая Лебединая дева Медуза властвовала над народами северных земель и морей (как выразился Гесиод, «близ конечных пределов ночи»). Но в условиях господствующих матриархальных отношений Власть не ужилась с Мудростью: соперницей Медузы стала Афина. Скупые осколки древних преданий позволяют восстановить лишь общую канву разыгравшейся трагедии.

Не поделили власти над Гипербореей две девы-воительницы. Борьба была жестокой – не на жизнь, а на смерть. Первым актом уничтожения соперницы стало превращение прекрасной Лебединой царевны Медузы в отвратительное чудовище с кабаньими клыками, волосами из змей и взглядом, обращающим все живое в камень. Данный акт символизирует, скорее всего, раскол протоэллинистического этнического и идеологического единства и отпочкование той части будущих основателей великой древнегреческой цивилизации, которые, возможно, под воздействием природной катастрофы и под предводительством или покровительством девы Афины двинулись с Севера на Юг и в пределах жизни отнюдь не одного поколения добрались до Балкан, где, воздвигнув храм в честь Афины, основали город, и поныне носящий ее имя.

Но женская мстительность не знает границ. Афине было мало морально уничтожить Медузу – ей потребовалась еще и голова соперницы. Вот почему некоторое время спустя она отправляет назад, в Гиперборею, своего сводного брата Персея и, по свидетельству многих, сама сопровождает его. Обманным путем Персей и Афина вместе расправились с несчастной Медузой: по наущению Паллады сын Зевса и Данаи отрубил Горгоне голову, а Афина содрала с соперницы кожу и натянула на свой щит, в центре которого поместила изображение головы оболганной морской девы. С тех пор щит Афины по имени низвергнутой соперницы носит название «горгионий». Лик Медузы украшал также эгиду (доспех или же плащ-накидку), которую носили Зевс, Аполлон и Афина. Символ поверженной Медузы и в последующие века продолжал играть для эллинов магическую роль. Ее изображение очень часто помещалось на фронтонах и резных каменных плитах в храмах.

Память о носительнице гиперборейских традиций – Горгоне Медузе – у народов, населявших в разные времена территорию России, не прерывалась никогда. Змееногая богиня-дева, которая вместе с Гераклом считалась греками прародительницей скифского племени, – не что иное, как трансформированный образ Медузы. Лучшее доказательство тому – невольное переложение мифов в Геродотовой «Истории», а подлинные изображения, найденные при раскопках курганов.

В несколько другом обличье и с иными функциями предстает Медуза в знаменитых древнерусских амулетах-«змеевиках». Магический характер головы Медузы, изображенной в расходящихся от нее во все стороны змеях, не вызывает никакого сомнения, его защитительно-оберегательное предназначение такое же, как и на щите Афины-Паллады или эгиде Зевса. Знаменательно и то, что тайный эзотерический смысл доэллинистических и гиперборейских верований дожил на русских амулетах чуть не до наших дней: точная датировка даже позднейших находок является крайне затруднительной. В христианскую эпоху неискоренимая вера в магическую силу и действенность лика Медузы компенсировались тем, что на обратной стороне медальона с ее изображением помещались рельефы христианских святых – Богоматери, Михаила-Архангела, Козьмы и Демьяна и др.

До сих пор не дано сколь-нибудь удовлетворительного объяснения происхождению и назначению русских «змеевиков». Современному читателю о них мало известно, хотя их описано и опубликовано множество. И с каждого из них на нас направлен магический взгляд Девы-охранительницы Горгоны Медузы, в глазах которой навечно застыла неразгаданная тайна Гипербореи-Туле. Эти амулеты-обереги, дожившие чуть ли не до середины II тысячелетия н. э., во многом соответствуют по своему архаичному смыслу бронзовым северным зеркалам

с изображением крылатого и кентавроподобного Световита (или же какого-то другого языческого божества).

Глава 3. Исход ариев с севера

*Преданья Севера изображают Бога
Сидящим высоко над областью громов:
Спокойный, видит он из светлого чертога
И землю, и моря, движенье облаков,
Полет воздушный птиц, могучий ход китов
И быстрый лани бег; он взглядом проникает,
Как кипит медь и золото в горах,
Как дуб растет, как травка прозябает,
Как в человеческих сердцах
Родится мысль, растет и созревает...*

Аполлон Майков

*Славьте на Полюсе вечном
Павших в упорной борьбе.
Глядевших в лицо судьбе,
Погибших в молчанье беспечном,
Славьте на Полюсе вечном
Волны, месяц, туман!
Пойте хвалебные песни,
Дети пламенных стран.*

Валерий Брюсов

Наиболее существенные факты и свидетельства, позволяющие реконструировать подлинные исходные точки отсчета мировой истории и предыстории, впервые были сформулированы в классической книге выдающегося индийского ученого и общественного деятеля Балгангадхара Тилака (1856–1920) «Полярная родина в Ведах». В ней путем скрупулезного текстологического анализа доказано: в священных книгах древних индийцев и их прапредков описаны не южные, а северные реалии – полярное звездное небо, полярные день и ночь, полярные зори и сияния.

Аргументы, приводимые Тилаком, следующие. В древнейших источниках, например в Тайттирии-Брахмане (а также в Авесте), описывается Прародина человечества, где Солнце всходит и заходит по одному разу в год, а сам год делится на один долгий день и одну долгую ночь, что, как известно, соответствует ситуации, фиксируемой в высоких полярных широтах. В Ведах же встречаются такие высказывания: «То, что есть год, – это только один день и одна ночь богов»; «В Меру боги видят Солнце восходящим только один раз в году». Общие положения подкрепляются более детальными, основанными на точном математическом расчете современных ученых: в частности, в Ригведе описываются зори более продолжительные, чем они могут быть на юге; там же рассказывается о северном сиянии и летнем поведении Солнца вблизи полюса, когда оно поднимается на максимальную высоту над горизонтом, некоторое время «стоит» на месте, прежде чем начинает опускаться. По расчетам специалистов, растянутые утренние и вечерние зори, как они описываются в гимнах Ригведы, вполне соответствуют тому, что наблюдается сегодня на широте Мурманска.

Характерным образцом доказательств, приводимых Тилаком, могут послужить приводимые ниже отрывки из 4-й главы, озаглавленной «Ночь Богов»:

«В Ригведе (1, 24, 10) созвездие Большой Медведицы описывается как высокостоящее, что говорит о положении, видимом только в циркумполярной области. <...> Утверждение, что день и ночь Богов делятся по шесть месяцев, крайне широко распространено в древнеиндийской литературе. Гора Меру признается нашими астрономами земным Северным полюсом. На Меру Боги видят Солнце после его одноразового восхождения и на протяжении его пути, равного половине его обращения вокруг Земли. <...> Это подтверждается и таким авторитетным источником, как “Законы Ману” (1, 67): “У Богов день и ночь – (человеческий) год, опять разделенный надвое день – период движения Солнца к северу, ночь – период движения к югу”. <...> в Тайттирия Брахмане мы тоже встречаем четкое определение: “год – это всего лишь день Богов” (111, 9, 22. 1). <...> В Авесте (Вендидад, фаргад 11) в священной книге парсов [зороастрийцев] мы видим аналогичное утверждение, отмечающее все сомнения касательно его полярного характера: “Что они считают днем, то есть год”. <...> И здесь же Ахура Мазда говорит: “...Там звезды, месяц и Солнце можно лишь один раз в год видеть восходящими и заходящими, и год кажется только одним днем”...»

Полярные реминисценции, как бы это ни показалось парадоксальным на первый взгляд, обнаруживаются и в Библии. В Книге Исаии говорится об обители (сонме) богов на краю Севера, куда стремился один из возгордившихся и наказанных за это сынов человеческих – Денница, сын Зари (Ис. 14, 13). Северные боги, по Библии, обитают на священной горе, наподобие той, которая хорошо известна в индоиранской традиции под названием Меру. В книге Иова подробно и эмоционально описывается полярная ночь:

«Ночь та, – да обладает ею мрак, да не сочтется она в днях года, да не войдет в число месяцев! О! Ночь та – да будет она безлюдна; да не войдет в нее веселие! Да проклянут ее проклинаящие день, способные разбудить Левиафана! Да померкнут звезды рассвета ее: пусть ждет она света, и он не приходит, и да не увидит она ресниц денницы...» (Иов 3, 6–9).

Эмоциональные заклинания пророка пробуждают в памяти те многочисленные строфы Ригведы, где говорится о долгой и страшной тьме, которая скрывает врагов бога Индры. В библейской Книге Иисуса Навина содержится ссылка на еще более древнюю книгу Праведного, где описывается поведение Солнца в приполярных областях: «Стояло солнце среди неба и не спешило к западу почти целый день» (Нав. 10, 13). Данный фрагмент практически полностью соответствует строкам Ригведы: «Свою колесницу бог Солнца остановил посреди неба», – где также в метафорической форме описывается полярный день.

А есть ли полярные мотивы в древнегреческих мифах? Не могут не быть, если только прапредки эллинов пришли с Севера и принесли с собой ядро тех сказаний, которые, приспособившись к новым условиям и обрастая массой подробностей, приобрели впоследствии привычный для нас вид. Но сквозь оболочку позднейших наслоений нет-нет да и сверкнет Полярная звезда памяти о далеком прошлом. Так, перед битвой со змееногими гигантами Зевс велел Солнцу-Гелиосу, Луне-Селене и Заре-Эос не светить на землю. В небе остались только звезды. Здесь явственный намек: гигантомахия (точнее – события, ей предшествовавшие) сопряжена с полночными странами и полярной ночью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.